

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Где-то
на земле
есть рай

Валерия Вербинина

Где-то на земле есть рай

«Автор»

2013

Вербинина В.

Где-то на земле есть рай / В. Вербинина — «Автор», 2013

Лиза мечтала стать знаменитой писательницей-детективщицей и для осуществления своей мечты не придумала ничего лучшего, чем устроиться в полицию. Конечно, оказалось, что действительность имеет мало общего с ее романтическими представлениями об этой работе, но одно дело зацепило ее за живое: Лариса Парамонова, вдова известного бизнесмена, получает письма с угрозами... от своего погибшего мужа! Покойник упрекает ее в супружеской неверности и упоминает детали, которые могли знать только они двое... У Лизы и ее напарника сразу возникло подозрение: Вячеслав Парамонов инсценировал свою гибель, ведь незадолго до смерти он наделал огромных долгов и не сумел расплатиться. Но если ему успешно удалось скрыться от кредиторов, зачем он теперь так глупо себя выдает?..

© Вербинина В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерия Вербинина

Где-то на земле есть рай

*Все события и персонажи романа являются вымыслом автора.
Любое сходство с реальными людьми и событиями может
существовать только в фантазии читателя.*

Пролог

Среда, 10 апреля. 11 часов 27 минут утра

Этого мгновения я не забуду никогда.

Тросы оборвались, и лифт с душераздирающим скрежетом ухнул в шахту, вниз.

Меня и моего спутника отбросило к стене, во всю величину которой только что таинственно мерцало огромное зеркало. Оно жалобно крякнуло, всхлипнуло, и водопад зеркальных осколков окатил нас с головы до ног, но все это было ничто по сравнению с ощущением, что я сама стремительно превращаюсь в какой-то блин, неаккуратно размазанный внутри кабины.

Говорят, будто в последнее мгновение вся жизнь проносится перед глазами, как в слишком быстро перематываемом кинофильме. Но я не успела даже сообразить, что это самое последнее мгновение приближается со скоростью, прямо пропорциональной скорости нашего падения. Завизжали аварийные тормоза, нутро шахты отозвалось протестующим утробным ревом. Кабина грохотала, гремела и стонала. В какой-то момент нам даже показалось, что она не выдержит, но лифт был стальной, сделанный на совесть. Пролетев по инерции еще несколько метров, он завис, напоследок издав звук, похожий на чихание.

Мы повалились на пол. Я тяжело дышала, сердце бешено стучало, отдаваясь в висках. Но – вот потрясающее свойство женской природы! – первая мысль, мелькнувшая у меня в голове, была вовсе не о том, что только что нам лишь каким-то чудом удалось избежать смерти. Я увидела свой разорванный рукав, вытерла кровь со щеки и подумала, что, наверное, выгляжу в этот момент донельзя скверно.

Шатаясь, я кое-как поднялась с пола. Ноги у меня подкашивались, колени предательски дрожали, и, чтобы не упасть, я схватилась рукой за стенку.

– Ты это... не делай резких движений, – посоветовал мой спутник. В этот миг он выглядел ничуть не лучше меня.

Не отвечая, я подошла к двери и попробовала ее открыть. Бесплезно: похоже, ее заклинило намертво, и я только сломала ноготь. Меж тем мой спутник уже встал на ноги и, страдальчески морщась, отряхивал осколки со своего костюма.

– Ничё не получается, – сказала я. В обычной жизни я говорю «ничего», но вряд ли падение в лифте можно отнести к повседневным событиям. – Похоже, мы застряли между этажами. Надо позвать на помощь.

Я полезла в карман за мобильником, но последнего на месте не оказалось. Похлопав по карманам, я наконец догадалась взглянуть на пол. Телефон лежал именно там, но находился явно в нерабочем состоянии. Я нагнулась, чтобы подобрать его и посмотреть, нельзя ли каким-нибудь образом его оживить, но тут мой спутник бросился на меня и отшвырнул к дальней стенке лифта.

– Ложись! – заорал он, падая на пол и прикрывая голову руками.

Я не успела даже толком возмутиться, когда нас начали обстреливать. «Ра-та-та-та-та! Та-ра-ра!» Стреляли, сволочи, довольно хорошо, надо отдать им должное. Сквозь дверь! Прак-

тически в упор! Как будто нам было мало того, что только что мы свалились чуть ли не с тридцатиметровой высоты!

Предусмотрительные, ничего не скажешь, – решили на всякий случай подстраховаться. Бах! Бах! Но тот, кто все видит, сыграл с ними дурную шутку. Ширина лифтовых дверей была не меньше пятнадцати сантиметров, и пули большей частью просто застревали в ней. Изнутри было хорошо видно, как на дверях вспухают крохотные холмики, и в каждом таком холмике была похоронена летящая снаружи смерть. Ах, будь благословен тот, кто построил этот лифт!

«Ра-та-та-та-та!» Однако наши невидимые противники никак не хотят уняться. Несколько пуль все-таки пробили стальную обшивку. Зеркало опять начинает плакать, – от него и так почти ничего не осталось, а благодаря неожиданным стрелкам «почти ничего» очень быстро превращается в просто ничего. Мелкие осколки летят мне прямо в голову. Кабина лифта хрипит и подрагивает, в шахте над нами что-то скрежещет. Ай, ай, больно! Проклятые стрелки не в силах нас достать – мы распластались на полу, можно сказать, слились с ним в экстазе, – но обжигающе горячие после выстрела, потерявшие свою мощь после пролета сквозь обшивку пули так и сыплются на нас. Дверь, до поры до времени спасавшая нас, уже почти вся в сквозных дырах. Господи, сколько же это будет продолжаться?

«И-и-и-яхrrrr!»

Все, конец аварийным тормозам. То ли они просто не выдержали, то ли в них угодила шальная пуля, – теперь совершенно неважно. Лифт не удержался, он снова летит в свободном падении, а вместе с ним и мы. Кто-то (кажется, мой спутник) истошно кричит:

– Держи-и-ись!

Зачем? За что? Все бесполезно. Это судьба. Еще я мельком успеваю подумать, что, кажется, я разорвала и второй рукав. Сейчас мы врежемся в землю, и... Впрочем, никакого «и» больше не будет. По крайней мере, для нас.

Грохот, скрежет, стук... Неужели финал?

А ведь все так хорошо начиналось!

Часть 1

Глава 1

Понедельник, 1 апреля. 10 часов 55 минут утра

На шатком стульчике неопределенного цвета сидит приличного вида гражданин и заливается слезами.

Вокруг него громоздится служебное пространство нашего кабинета в районном отделении внутренних дел. Неотъемлемой частью этого пространства являются два стола, несколько шкафов, компьютеры и сейф, а точнее, несгораемый шкаф, краска на котором почти вся облупилась за годы, прошедшие с момента его появления на свет. Также присутствуют в наличии: настенная карта Москвы, стулья разной степени прочности, капитан Павел Иванович Ласточкин – высокий блондин, мой коллега, напарник и ангел-хранитель в одном лице, – и я, Лиза Синеокова, компактная брюнетка с микроскопическим чином и страстью к литературе, которая, собственно, и привела меня сюда.

Дело в том, что мне всегда хотелось написать детективный роман, а моим родителям, особенно матери, хотелось, чтобы у меня была какая-нибудь работа, на которой у меня будет минимум обязанностей, но максимум денег. Профессию писателя в моей семье никто всерьез не воспринимал, потому что, если вы не входите в золотую когорту авторов, которых печатают сотысячными тиражами, прожить на гонорары попросту невозможно, а чтобы зарабатывать деньги на стороне, приходится отказываться от сочинительства, то есть получается замкнутый круг.

– И вообще, – сказала моя практичная мать, – быть писателем сейчас уже немодно. Так что будь добра, оставь детские иллюзии и подумай лучше о том, как бы устроиться в какую-нибудь нефтяную компанию.

Моя мама принадлежит к числу людей, у которых везде есть знакомства. Контакты для нее – магическое слово, а высшая цель – знать все обо всех. Если у меня заболит зуб, она пошлет меня к самому лучшему дантисту, которого ей рекомендовали лучшие подруги Иванова, Кошеева и Берендеева. Да еще она ухитрится повернуть дело так, что с меня возьмут минимум денег. Если я вздумаю выйти замуж, то мама обзвонит всех, кого только можно, и на следующий день преподнесет мне пятитомное досье на моего избранника, включающее такие подробности, о которых сам он даже не подозревает. Однако все же есть сферы, в которые моей матери проникнуть не удастся, какие бы усилия она ни предпринимала, и нефтяные компании, где куются миллиарды, были ей доступны только на уровне двоюродной сестры знакомой бывшей соседки, которая (сестра, если кто не догадался) работала там в пиар-отделе. Это еще ничего, но сумма заработка, которую озвучила взятая за горло знакомая, оскорбила мою мать до глубины души.

– Всего пятьдесят тысяч рублей, представляешь? Теперь я понимаю, откуда берутся состояния у олигархов! Конечно, если всю прибыль оставлять себе, а служащим недоплачивать...

Потерпев неудачу с нефтяным бизнесом, мама решила, что надо устроить меня в банк. Там тоже большие деньги, сказала она, пропустив мимо ушей мое возражение, что у меня всегда были нелады с математикой.

Я поняла, что еще немного, и мою судьбу окончательно решат за меня, причем вовсе не таким образом, как мне нужно. Тут я увидела объявление – отделу полиции требуются новые сотрудники – и подумала: а почему бы нет?

В конце концов, если хочется сочинять детективы, неплохо было бы для начала познакомиться с людьми, которые расследуют преступления. Где-то поблизости маячили и те, которые эти преступления совершали, но в тот момент о знакомстве с ними я как-то не задумывалась.

В общем, я оделась получше и пришла в отделение, где в коридоре сразу же столкнулась с Пашей Ласточкиным.

– Я по объявлению, – храбро сказала я. – Хочу работать в полиции.

Паша поглядел на меня и, как он позже рассказывал, «упал в осадок». По его словам, перед ним стояла девочка-одуванчик, к работе в полиции ни с какой стороны не приспособленная.

– Как ваша фамилия? – спросил он первое, что пришло ему на ум.

– Синеокова, – ответила я, и мой собеседник выпал в осадок вторично.

Одним словом, если мне и светила работа в полиции, то только в качестве какой-нибудь секретарши, заполняющей бумажки. И я до сих пор так и не смогла добиться от Паши вразумительного ответа на вопрос, почему он решил рискнуть и дал мне шанс.

Уже через месяц новой работы я поняла, что возможностей найти здесь материал для романа, который меня прославит, у меня мало, если только я не захочу написать жесткое и бескомпромиссное повествование о том, как выглядит работа полицейского изнутри. Если говорить всерьез, это тяжелый, изматывающий труд, ничего общего не имеющий ни с сериалами, ни с популярными боевиками, где герои палят направо и налево и лихо мочат все, что движется. Да, у меня есть право на ношение оружия, но если я его применю – хоть один раз, – у меня могут быть такие неприятности, что я не отмоюсь до конца своих дней. Однако это еще не самая серьезная из проблем, с которыми приходится иметь дело.

Настоящие проблемы начинаются, когда в число подозреваемых попадают люди, которые по тем или иным причинам считают, что стоят выше закона. Если же ты пытаешься в этом усомниться, они тотчас готовы тебя уничтожить. Настоящие проблемы возникают со следователями, готовыми за взятку отпустить преступников, которых ты долго выводил на чистую воду и с немалым трудом доказывал их вину. И если уж говорить начистоту, коллеги, разъезжающие на элитных автомобилях и покупающие недвижимость за границей, в то время как официальная их зарплата не превышает 70 тысяч рублей, тоже проблема. Потому что безнаказанная коррупция заразна, и еще потому, что система, прогнившая сверху донизу, априори не может функционировать нормально.

В общем, я бы ушла из полиции уже через месяц работы в ней, если бы не Паша. Расставлю, пожалуй, разом все точки над «ё»: я в него не влюблена, ничего подобного. Просто бывают такие мужчины, одного из которых увидишь – и сразу же хочется зачислить его своим братом или другом или кем-то в этом роде. Они кажутся простыми, но на них можно положиться, с ними можно поделиться тем, чего не расскажешь даже родной матери. Вот лохматый, чем-то похожий на воробья, Паша – именно такой. Если система еще держится, то только на таких, как он, потому что он порядочный, профессиональный, одним словом, настоящий человек. Кстати, любопытное дело, из-за которого на стуле заливается слезами наш гость, раскрыл именно он.

За окном весна, в отделении кипит жизнь, и, если бы не рыдающий гражданин, можно было бы сказать, что все идет как всегда. Но именно субъект с бородкой вносит в это сказочное утро элемент диссонанса. Внешне он худощав до болезненности и нескладен, с острыми коленками и довольно красивыми кистями рук. Шатен, но волосы уже отступают с висков, оставляя залысины. Фамилия шатена – Савин, имя-отчество – Илья Львович, год рождения – 1961-й, пол не вызывает никакого сомнения. Это интеллигент, да не простой, а с убеждениями. Главное из них состоит в том, что интеллигенция является единственным стоящим достижением общества, а все остальные слои этого самого общества существуют исключительно для того, чтобы досадить интеллигентам. К примеру, пролетарии грубы и примитивны, политики ведут

страну в пропасть, а стражи порядка по-хорошему заслуживают только того, чтобы их расстреляли, желательно через одного. Вслух, конечно, он этого не высказывает, но его отношение уже чувствовалось в том, как он брезгливо цедил слова сквозь зубы, разговаривая с нами, и в презрительном взгляде, которым он смерил нас, едва переступив порог.

– Во-первых, я совершенно не понимаю, зачем вам понадобилось вызывать меня, да еще требовать, чтобы я приехал немедленно. Если это первоапрельский розыгрыш, то крайне неудачный. В конце концов, у меня работа, обязательства... но, наверное, таким, как вы, вообще не понять, о чем я говорю...

Тут обычно терпеливый Ласточкин не на шутку разозлился. Я увидела, как у него на скулах ходуном заходили желваки.

– Может быть, вы сначала выслушаете, зачем вы нам понадобились? А то так сразу, знаете ли, оскорблять людей...

Савин распрямился на стуле, воинственно выпятив бородку и, довольно похожую на куриную, грудь.

– Людей? Ну-ну...

– Сейчас мы поговорим, и вы уйдете, – вмешалась я, чувствуя, что Паша весь кипит. – Собственно, у нас к вам всего один вопрос: за что ваша жена собиралась вас убить?

... Все это случилось примерно четверть часа назад. Конечно, поначалу, опомнившись, Савин стал возмущаться. Что это за провокация? Какое отношение к делу имеет Дина, его любимая и даже ненаглядная жена? И вообще, что это за скверные шутки?

Увы, ни о каких шутках в данном случае речи не шло. Прожив более десяти лет с любимым и также ненаглядным мужем душа в душу, Дина Савина приняла решение его заказать. С этой целью она отыскала киллера, и великим, ни с чем не сравнимым счастьем для Савина оказалось то, что настоящий киллер был к тому моменту схвачен, а под его видом действовал капитан Ласточкин. Именно он принял от мадам Савиной заказ и деньги – аванс за убийство мужа, – после чего ее взяли, что называется, с поличным. Не отвертитесь, любящая супруга!

Паша обрисовал обстоятельства дела, рассказал о задержании Дины и объяснил, что Савину, как предполагаемой жертве, придется кое о чем рассказать. За что жена захотела сжить его со свету? Что он такого ей сделал? Потому что на этот счет у самой заказчицы ничего узнать не удалось. Поняв, что ее дело проиграно, она замкнулась в угрюмом молчании и наотрез отказалась отвечать на все вопросы.

Уразумев наконец, что все это не шутка и что лично ему никто не желал ничего дурного за вычетом, разумеется, его дражайшей половины; что менты, по крайней мере некоторые, вовсе не звери и просто выполняют свою работу, скучную, тяжелую, но все-таки необходимую обществу работу, причем необходимую не меньше, а может быть, и больше, чем работа в университете, где преподавал сам Савин, – так вот, поняв наконец все это и осмыслив, что с ним только что произошло, а главное, что чуть не произошло, наш свидетель издал какой-то булькающий звук, бородка его поникла, он скрючился на шатком стуле и разразился слезами.

Мы с Ласточкиным переглянулись и, кажется, одновременно пожали плечами. Савин рыдал, его плечи ходили ходуном, стул под ним шатался, как в эпилептическом припадке. Чтобы не смотреть на взрослого плачущего мужчину, я отвернулась и начала заполнять протокол.

– Год рождения, будьте добры... Место работы...

Савин всхлипнул и полез в карман за платком. Мало-помалу он приходил в себя. Теперь за дело взялся Ласточкин. Есть ли у Ильи Львовича недвижимость? Значительные сбережения? Не получил ли он от кого-нибудь наследство? В какой квартире он сейчас живет? Ну и, на закуску, не изменял ли он жене, не обижал ли ее? А может быть, он швырял в нее в гневе полное издание «Российской истории» Соловьева? Ведь преподаватели такие непредсказуемые...

Однако Савин был тверд. Нет, он не получал никакого наследства, у него не было особых сбережений, и он никогда ни в кого не швырялся книгами, а тем более «Российской историей». Живет он в двухкомнатной квартире в спальном районе. Кстати, как насчет старой машины – сойдет она за недвижимое имущество или нет?

Ну что ж, квартира и машина – это уже что-то, только за это в Москве ежегодно убивают тысячи людей. Однако Ласточкин попробовал зайти с другого боку. Может быть, у жены кто-то есть? Не появился ли в ее жизни человек, с которым она могла бы, хм... связать свое светлое и свободное от постылого супруга будущее? Может быть, у Ильи Львовича возникали на этот счет какие-нибудь подозрения?

Савин как-то скис, но уверенности в его голосе все же не поубавилось. Ничего подобного он за Динулей не замечал, и вообще она чудная, отзывчивая, интеллигентная женщина, и он до сих пор не может поверить, что она могла обойтись с ним столь жестоко.

– Чем, кстати, занимается ваша жена?

– Преподает. Как и я... Скажите, а вы не могли совершить ошибку? Может быть, ее арестовали случайно, она только мимо проходила?..

– Нет, Илья Львович. Ее арестовали в момент подтверждения заказа и передачи денег.

Золотой пыльный луч рассекал комнату надвое, и лицо Савина в нем казалось совсем старым. Ласточкин потер висок и взглянул на меня. Поняв этот взгляд, я тотчас же поднялась с места и вышла в коридор, как всегда полный снующих взад-вперед людей. Едва не наступив на ногу молодой женщине в голубом костюме, которая примостилась в нише между окнами, я вошла в кабинет лейтенанта Поспелова, где находились сама Дина Савина, следователь Стас Зарубин и сам Поспелов, участвовавший в задержании. Губы Савиной стянулись в тонкую упрямую черту, руки, лежащие на коленях, были крепко сжаты.

– Стас, пора... На очную.

Станислав Зарубин поднялся. Внешне он немного смахивает на молодого Роберта де Ниро, женщины его обожают, а он принимает их отношение с видом скучающего персидского шаха. На самом деле все это чепуха: Стас настоящий профессионал, а остальное – его личное дело. Меня он всерьез не воспринимает, но оно и понятно – я в полиции совсем недавно, и никаких особых заслуг у меня нет.

– Савин сказал что-нибудь путное? – вполголоса спросил он у меня, пока Поспелов выводил из комнаты несостоявшуюся вдову.

– Он был в шоке. По его словам, он даже и не подозревал, что такое может случиться. Стас только хмыкнул, но ничего не сказал.

И вот мы снова в нашем кабинете. Савин поднимается со стула навстречу жене, но она смотрит мимо него, плотно сжав губы.

– Динуля, – почти умоляюще произносит он, – ну скажи мне, неужели это правда?

Мадам Савина открывает рот. Но то, что оттуда раздается, прямо скажем, ставит нас в тупик.

– Конечно, правда! – с перекошенным от злобы лицом кричит она. – Ты что же, думал, я вечно буду терпеть это?

– Что? – лепечет сбитый с толку ее напором несчастный супруг.

– Твой омерзительный храп по ночам! Ты... ты... Я ненавижу тебя!

Занавес.

Правда, еще до того, как занавес окончательно упал, мадам Савина сделала попытку прорваться к супругу, – надо полагать, для того, чтобы выцарапать ему глаза. Но наши коллеги ловко подхватили ее за руки и выволокли прочь из кабинета. За ними следом, криво расчеркнувшись в протоколе, ушел и преподаватель, понуриив голову.

Ласточкин распахнул окно и с облегчением выдохнул.

– Фу, – сказал он. – Не знаю, как тебе, а мне надо срочно передохнуть.

Глава 2

1 апреля. Двенадцатый час дня

– Насчет храпа – это, конечно, ерунда, – сказал Паша, когда через несколько минут мы с ним блаженствовали в обществе восхитительно дымящегося кофе. – Уверен, когда Стас начнет рыть как следует, он в два счета обнаружит какого-нибудь аспиранта или преподавателя из провинции, который сумел внушить мадам Савиной нежные чувства. Вот чтобы сочетаться с ним законным браком и при этом не делить дорогостоящую жилплощадь, гражданка Савина и задумала избавиться от супруга... Черт, кипяток кончился.

Я отправилась за водой, а когда возвращалась, в коридоре меня чуть не сбил с ног наш сотрудник Толя Горохов, молодой опер с веснушками на носу.

– Слышали, какое ЧП приключилось? Все на ушах стоят!

Он был так возбужден, что даже ухитрился прежде меня протиснуться в кабинет.

– В чем дело? – поинтересовался Ласточкин.

– Из зоопарка сбежал слон! – выпалил Толя. – Представляешь?

– А я думал, крокодил, – парировал мой напарник. – С первым апреля!

Горохов надулся.

– Нет, правда! Честное слово! – настаивал он. – Не веришь – можешь хоть у Петровича спросить!

Полковник Модест Петрович Тихомиров возглавляет наше отделение. Внешне он походит на шкаф и терпеть не может слова «полиция» и «полицейские», вместо которых упорно говорит «милиция» и «товарищи милиционеры». Кроме того, у него есть две любимые фразы: «Главное – не наруваться» и «Есть же счастливицы, которым на Багамах модели коктейли приносят, а я чем тут с вами занимаюсь?». В зависимости от обстоятельств место действия и личности, разносящие коктейли, могут меняться, но общая формула остается неизменной.

Ласточкин покосился на Горохова и фыркнул.

– Толя, сколько тебе лет, а врать до сих пор не научился, – проворчал он. – У тебя даже мочки ушей покраснели.

Горохов смутился, стушевался, потер зачем-то мочки ушей, буркнул: «Ну, ладно» – и исчез. Я поставила воду кипятиться и села за стол.

– Терпеть не могу эти первоапрельские розыгрыши, – сварливо сказал капитан.

– Я тоже, – кивнула я. Впрочем, я действительно не люблю розыгрыши. Особенно мне не понравился сегодняшний, когда Лена, которая в отделении отвечает за оформление всяких бумажек, с порога сообщила мне, что мой напарник Пашка женился. В первое мгновение я ощутила досаду, но потом опомнилась: какое, в сущности, отношение это имеет ко мне? Паша – человек свободный, один раз уже разводился, и то, что сейчас происходит в его личной жизни, меня не касается.

... Или все-таки касается? Поди тут разберись!

– А мочки у него были вовсе не красные, – заметила я вслух, чтобы отогнать лишние мысли.

– Верно, – спокойно согласился Павел. – Но он-то этого не видел.

У каждой профессии есть свои маленькие и большие секреты. Наша профессия – выяснять, кто говорит правду, а кто лжет, и, так как правда у всех одна, а способов соврать – куда больше, приходится пускаться на разные хитрости, чтобы узнать истину. Это было еще мелкое ухищрение, можете мне поверить, и все равно оно меня восхитило. Впрочем, я тотчас же поспешила принять деловой вид:

– Паш...

– Ась?

– Там в коридоре женщина...

– Что за женщина?

Я замялась. По правде говоря, я даже толком не могла объяснить, что меня в этой женщине встревожило.

– Она сидит с самого утра. Когда я приехала на работу, она уже была там. Потом привезли Савину, приехал ее муж, а она так и сидела на прежнем месте. Сейчас я выходила за водой, а она все еще в коридоре.

Ласточкин нахмурился:

– Сумасшедшая?

Наверное, в каждом отделении встречаются такие не вполне здоровые граждане. Они приходят с совершенно бредовыми жалобами и просьбами, угрожают, умоляют, обвиняют нас бог весть в чем. Старушка требует найти кошку, которую два года назад переехала машина, пьяница клянчит деньги за несуществующие сведения чрезвычайной важности...

– На сумасшедшую она не похожа, – твердо ответила я на вопрос Паши.

– Опиши ее.

– Лет двадцать семь – тридцать, пепельная блондинка, роста среднего или невысокого – так как она сидит, точно сказать сложно. Хорошо одета: голубой костюм, сумочка и туфли того же цвета.

Ласточкин забарабанил пальцами по столу.

– Ну и из чего ты сделала вывод, что она не сумасшедшая?

– Из-за сумочки и туфель, – сухо ответила я. – Если женщина не разучилась подбирать их тон в тон, значит, с головой у нее все в порядке.

– Вставишь эту фразу в свой роман, – буркнул Павел. – Успех тебе обеспечен. – Он потер подбородок. – Значит, говоришь, с самого утра сидит? – Он вздохнул: – Какое вообще впечатление она на тебя произвела?

Я немного поразмыслила.

– По-моему, она специально готовилась к визиту к нам.

– Это ты опять по сумочке и туфлям определила? – осведомился мой напарник, и в его глазах мелькнул мефистофельский огонек.

– И по костюму, – сердито ответила я. – По-моему, она чем-то до смерти напугана, но в то же время боится идти к нам.

– Когда на всех углах кричат о злых продажных ментах, трудно ожидать другого поведения, – хмыкнул капитан, поднимаясь с места. – Ладно, пошли взглянем, что это за девушка в голубом. – Последние слова он произнес почти нараспев, и я с опозданием сообразила, что он имел в виду строку из стихотворения Сергея Есенина.

Незнакомка сидела на том же самом месте, на котором я видела ее и перед очной ставкой Савиных, и в последний раз, когда возвращалась с водой. Завидев нас, она вцепилась обеими руками в сумочку и предприняла попытку вжаться спиной в стену.

– Простите, вы кого-то ждете? – спросил Ласточкин.

Она побледнела, затем покраснела и судорожно сглотнула, после чего отрицательно покачала головой.

– Вы пришли по делу?

Не сводя с него глаз, она кивнула.

– Тогда вам лучше пройти в кабинет и объяснить, в чем оно состоит, – веско сказал мой напарник. – В том, чтобы сидеть тут, в коридоре, нет ничего хорошего. – Он сделал широкий жест, указывая на нашу дверь: – Прошу.

Кажется, ему все же удалось преодолеть настороженность незнакомки в голубом, потому что она несмело улыбнулась.

– Как вас зовут? – дружелюбно спросил Ласточкин.

– Лариса.

– Вот и прекрасно. Я капитан Ласточкин, а это Лиза, моя напарница. Сейчас мы с вами поговорим, и вы изложите нам, что вас тревожит.

* * *

И вот она сидит на все том же шатком стуле неопределенной модели, на котором незадолго до этого проливал безутешные слезы заказанный собственной супругой преподаватель. Паша всегда учил меня думать и действовать на опережение, и теперь, тайком рассматривая Ларису, я ломаю голову, в чем таком она может быть замешана. Вряд ли ее обокрали или у нее угнали машину – в таких случаях даже самый застенчивый человек поднимает крик очень быстро и уж, конечно, не высидивает по несколько часов в коридорах.

– Значит, вас зовут Лариса? А фамилия?

– Парамонова, – едва слышно произносит она.

– Замечательно.

Павел улыбается. Сейчас он мягкий, понимающий, обходительный. Само внимание. Сама вежливость. И только я, знающая его чуть лучше других, понимаю, что это всего лишь один из его обликов. Как маска, которую надевает актер, чтобы играть очередную роль. Он не торопит женщину в голубом, не подгоняет ее. Он ждет, когда же она сама наконец расскажет ему, что ее тревожит. Руки Ларисы нервно мнут ручку сумочки. Она – Лариса, разумеется, а не сумочка, – явно нервничает. Я впиваюсь глазами в ее лицо. Ну конечно же! Шантаж. Именно он лучше всего объясняет странное поведение Парамоновой, решимость и страх, что смешиваются на ее лице. Она хочет изобличить преступника, но боится последствий. Минуточку... а что, если дело вовсе не в шантаже? Что, если она стала свидетелем преступления? Такое тоже может быть, и все же меня не оставляет ощущение, что я что-то важное упустила. Она боится, но хочет нам рассказать – и в то же время глаза у нее умоляющие. Она опасается, что мы не поверим ей. Почему?

Ласточкин между тем мягко выпрашивает у посетительницы, что случилось в ее жизни, отчего она пришла в наше обшарпанное здание и несколько часов подряд как приклеенная просидела в коридоре. Пока Лариса отнекивается. Она хотела бы знать... так, пустячок... Неожиданно она решается:

– Дело в том, что я получаю странные письма...

Мое сердце совершает кульбит в груди. Ну конечно, шантаж! И что я там себе напридумывала?

– С угрозами? – спрашивает все понимающий Ласточкин. Лариса мнется:

– Н-нет... Я бы так не сказала.

– По почте или по Интернету?

– По почте.

– Вы захватили их с собой?

– Да. Но...

«Но» повисает в воздухе, потому что Павел протягивает руку. Щелкает замочек сумочки, и в ладонь капитану ложатся два или три измятых конверта.

– Кто автор писем, вам известно?

Лариса краснеет некрасивыми пятнами.

– Мой муж, – почти шепчет она. – Кажется...

Ласточкин вопросительно поднимает брови.

– Бывший, – торопится она ответить на его невысказанный вопрос. – То есть почти. Я хотела сказать...

Про себя я зеваю. Можете называть меня циником, но все дело не стоит и скорлупы выеденного яйца. Лариса Парамонова была замужем, рассталась с супругом, нашла себе нового спутника жизни, а бывший теперь допекает ее оскорбительными письмами. Наверняка он довольно высоко поднялся и у него куча друзей, оттого она долго колебалась, прежде чем обратиться к нам. Конечно, эта история не с самой лучшей стороны характеризует ее нынешнего воздыхателя, потому что есть вещи, которые мужчины должны выяснять только между собой. Но, в конце концов, требовать чего-то от современных мужчин нереально. Средние века, галантные рыцари и дуэли ушли в прошлое, а, как известно, прошлое никогда не возвращается. Даже если его очень сильно об этом попросить.

Просматривая письма, Ласточкин едва заметно поморщился, и я поняла, что их содержание ему не понравилось.

– Здесь упоминается какой-то Коля. Кто это?

– Мой друг, – с готовностью отвечает Лариса. – Он очень поддержал меня... в тяжелые времена.

Стало быть, после развода. Ясно.

– Кроме писем, ничего больше не было? – спрашивает Павел, кладя обратно в конверт последнее послание. – Муж не звонил вам по телефону с угрозами, не...

Лариса Парамонова содрогнулась.

– Нет, – прошептала она, – слава богу, нет! Это было бы слишком страшно!

– Н-да, – буркнул Ласточкин, глядя в окно. – Ну что ж, дело совершенно понятное. Письма, конечно, оставляют странноватое впечатление, и это еще мягко сказано, но непосредственных угроз в тексте нет и требований о деньгах тоже. – Он поморщился: – Стало быть, прямых оснований для возбуждения дела у нас нет. К сожалению, мы не имеем американского законодательства, где даже за намек на преследование могут в судебном порядке запретить подходить ближе чем на сто метров. – Он поставил локти на стол и потер руки. – Лично я посоветовал бы вам послать этого придурка куда подальше и жить в свое удовольствие. А еще лучше, если ваш Николай с ним поговорит по-мужски и объяснит ему, что к чему. После таких объяснений люди удивительно быстро приходят в разум, знаете ли.

Надо же, мы с ним даже мыслим в унисон! Я горделиво расправила плечи.

– Но вы не понимаете, капитан, – пролепетала Лариса, глядя на него широко раскрытыми глазами. – Я... Николай не может с ним говорить. Это исключено.

– Это почему же? – спросил Ласточкин сварливым тоном, прищурившись.

Лариса стиснула руки так, что костяшки ее пальцев побелели.

– Дело в том, что мой муж умер. Девять месяцев тому назад.

Глава 3

1 апреля. 12 часов 27 минут пополудни

Ласточкин резко распрямился на стуле. Я не верила своим ушам. Неужели все-таки сумасшедшая? Говорят, после смерти любимого мужа такое вполне может случиться.

– Так, а теперь давайте-ка по порядку, – необычайно вежливо промолвил мой напарник. – Значит, ваш муж умер?

– Да. – Лариса наконец-то отпустила ручку своей сумочки.

– И его похоронили?

– Конечно!

Павел поскреб щеку. Я видела, что он находится в затруднении.

– Но тем не менее он присылает вам письма, предупреждая вас, чтобы вы, э-э, не имели дела с этим Николаем, иначе вас настигнет возмездие и вы будете гореть в аду.

– Именно так, – покорно согласилась Лариса.

У меня уже голова шла кругом.

– Занятно, – проворчал Ласточкин.

Это было еще слабо сказано.

– Вы ведь не думаете, что я сумасшедшая? – с надеждой спросила Лариса. – Я вовсе не сошла с ума, уверяю вас! И я не пытаюсь вас разыграть... Я действительно получаю эти письма!

Ласточкин искоса посмотрел на меня и стал искать что-то на столе. Он выдвинул ящик, захлопнул его, полез в карман, достал пачку сигарет, но поглядел на лицо Ларисы Парамоновой и со вздохом убрал ее. Вообще-то Паша не курит, а сигареты таскает с собой исключительно для того, чтобы угощать ими коллег и, гораздо реже, подследственных. В данном случае он проделал все эти манипуляции лишь для того, чтобы залезть в ящик и включить диктофон. Так, на всякий случай.

– Все это очень интересно, но мертвецы не могут присылать писем, – внушительно проговорил Ласточкин. – Кстати, свидетельство о смерти мужа у вас с собой?

– Да. – Она два раза кивнула, словно одного раза ей казалось недостаточно.

Нет, положительно она не была сумасшедшей. Капитан протянул руку:

– Покажите.

Предъявленное свидетельство он изучил очень внимательно.

– Так, Владислав Парамонов...

– Однофамилец того Парамонова, которого взорвали в прошлом году? – поинтересовалась я, так как мне надоело хранить молчание. – Кажется, того вроде тоже Владиславом звали.

Лариса вспыхнула:

– Это не однофамилец... Это мой муж.

Здрасьте, приехали. Мы с Ласточкиным обменялись многозначительными взглядами. Мало того, что покойник обладал ярко выраженной склонностью к эпистолярному жанру, он еще был довольно известным бизнесменом и даже после своей трагической, без преувеличения, смерти продолжал играть роль Отелло.

Интересно, куда это дело нас приведет? Я почувствовала азарт, как всегда, когда обстоятельства складывались не в нашу пользу.

– Н-да, – только и сказал Павел, возвращая документ вдове. Она аккуратно сложила бумагу и спрятала ее в сумочку. – Скажите, Лариса, только откровенно. За что был убит ваш муж?

– Он задолжал большие деньги, – едва слышно ответила она.

– Кому?

– Некому Арбатову... и еще другим людям. – Теперь она была бледной, как мел в Антарктиде. – То есть я уверена, что именно в этом и была причина... Потому что следствие убийцу не обнаружило.

– А долг? Вы его выплатили?

Мне казалось, что человек не может побледнеть сильнее, чем Лариса Парамонова. Однако это все же произошло. Ее голубой костюм отбрасывал на нее синюшную тень.

– Только часть... Я продала все, что смогла... переселилась в небольшую двухкомнатную квартиру... здесь, неподалеку...

Она назвала адрес. Ничего особенного, обыкновенный высотный дом.

– А ваши друзья? Они не помогли вам?

Лариса грустно улыбнулась:

– В таких кругах не бывает друзей, капитан... Стоит один раз оказаться внизу, и все о тебе забывают.

В самом деле, если бы у нее были друзья, разве она пришла бы к нам?

– Подведем итог, – сказал Павел. Теперь он был собран и сосредоточен, как никогда. – Ваш муж, Владислав Парамонов, занимался бизнесом, и его убили. Вы после его смерти потеряли фактически все, что имели, и никто к вам на помощь не пришел. Затем в вашей жизни появился этот Николай...

– Николай Рыбников, – закончила Лариса. – Но, понимаете, дело в том, что мы с ним знакомы с университета. Мы какое-то время учились вместе...

– Он тоже бизнесмен? – спросила я.

Лариса покачала головой:

– Нет. Он работает в небольшой компании, но он просто служащий, даже не менеджер. Мы встретились случайно, и он был так добр ко мне...

Продолжать она не могла – на глазах ее навернулись слезы.

– После смерти мужа мне было очень тяжело, – призналась Лариса извиняющимся тоном.

– И неожиданно начали приходить эти письма, – скорее утвердительно, чем вопросительно промолвил Ласточкин. Лариса вытерла глаза.

– Я не знала, что и думать, – проговорила она прерывающимся голосом.

– Когда пришло первое письмо?

– Месяца полтора назад... Да я точно и не помню. На штемпеле должна быть дата.

– Это все письма? – с нажимом спросил капитан.

Лариса отвела глаза:

– Нет... Были еще и другие. Три или четыре... Я не взяла их с собой, потому что они очень личные.

– Чудеса... – пробормотал Ласточкин себе под нос. – Скажите, Лариса, а с чего вы вообще взяли, что эти письма вам пишет покойный муж? Конечно, они написаны от его имени, но...

– И его почерком, – безнадежно промолвила Лариса.

– Вы уверены в этом? – допытывался Павел.

– Абсолютно. – Она поколебалась, но потом все-таки вытащила из сумки еще один листок, протертый на сгибах. – Вот, взгляните сами.

– Н-да, – сказал наконец Ласточкин, поднимая голову. – Внешне, конечно, большое сходство... хотя только специалист может сказать с уверенностью... Любой почерк ведь можно подделать, знаете ли.

– Знаю. Но дело не только в почерке. – Лариса колебалась, но наконец решилась: – Там были подробности... разные подробности... очень личные... – Она опустила глаза. – Словом, то, что может быть известно только двоим.

Она комкала в руках платок, не смея поднять на нас глаза. Молчание нарушил мой напарник:

– И вы уверены, что никто, кроме вашего мужа?..

– Нет. Кроме него, никто просто не мог знать об этом. Это чересчур... чересчур интимно. Ласточкин нахмурился. Впрочем, две вертикальные морщинки уже давно не покидали его переносицу.

– Вы говорили своему другу... говорили Николаю о письмах, которые вас тревожат?

– Да.

– И какова была его реакция?

– Вначале он решил, что я все это выдумала. – Ее губы дрогнули. – А потом, когда сам увидел письма, он сказал, что кто-то издевается надо мной или хочет меня извести.

– Да? И кто же это?

– Он сказал, это тот, кто ненавидит меня. – По щекам Ларисы вновь покатались слезы. – Он ни на мгновение не поверил, что Слава может посылать мне эти письма. Он сказал, что мой муж умер, и все это невозможно... просто невозможно. – Она заломила руки. – Но этот почерк... и те мелочи, о которых он пишет... Я уже не знаю, что и думать. Я боюсь сойти с ума... Я пошла к священнику, но он не понял меня. Он решил, что я лгу... а ведь я не лгу! Вот вы – скажите, ведь вы верите мне?

– Верю, – спокойно ответил Ласточкин. – И я обещаю вам, что разберусь в этой истории. А пока, чтобы я мог начать дело, мне нужно от вас официальное заявление. Лиза, лист бумаги и ручку... И еще я хотел бы уточнить кое-какие сведения.

* * *

– Это еще что за чушь? – гремел Тихомиров. – Убитый муж с того света домогается бывшую жену! Нет, ну на что это вообще похоже?

Разговор этот происходил уже на нашем внутреннем совещании в тот же день.

– Предлагаю скинуться Ласточкину на лечение, – подал голос кто-то из оперов. – По моему, необходимость явно назрела, товарищи!

– С первым апреля! – развеселился Мирошниченко из отдела краж. – Да вы что, ребята, всерьез это восприняли, что ли? Шуток совсем не понимаете?

– Это не шутка, – холодно ответил Ласточкин. На виске его, обращенном ко мне, подергивалась тонкая жилка. – Никаким розыгрышем тут даже не пахнет, так что я посоветовал бы некоторым сменить тон.

– Минуточку, минуточку! – вмешался полковник. Он выпил воды из стоявшего возле него стакана и прочистил горло. – Будьте добры, капитан, напомните мне номер статьи в нашем УК. Той самой, в которой говорится о том, какое наказание полагается мертвым, если они тревожат покой живых. Ну?

– Такой статьи нет, Модест Петрович, – отозвался подхалим Мирошниченко.

– Я жду ответа! – рявкнул полковник. Шея его налилась кровью.

– Формально такой статьи нет, – нехотя отозвался Ласточкин. – Но ведь кто-то же присылает ей эти письма!

– Капитан, – в изнеможении промолвил наш начальник, – кто кому и что посылает, а также куда шлет и на сколько букв, это не наше дело. Парамонов умер? Умер! Значит, он эти письма писать не мог, а с кем там крутится его вдова, с кем она переписывается и так далее, нас не касается! И нечего строить из себя этого, как его, охотника за привидениями. Что у тебя за манера усложнять себе жизнь, в конце концов? Тем более что у нас тут назревает нечто куда более серьезное. Я запрещаю тебе, да, запрещаю заниматься всякой чепухой!

– Как вам будет угодно, Модест Петрович, – светски выдержанным тоном отозвался мой напарник.

Когда Паша вот так ни с того ни с сего переходит на язык XIX столетия, это значит, что он сильно разозлился и теперь его ничто не остановит. Полковник только обескураженно покачал головой. Остальные опера хранили молчание.

– Ладно, – наконец буркнул Тихомиров. – Федор Григорьич, изложите проблему!

Подполковник Морозов, заместитель Тихомирова, поднялся с места. Внешне подполковник похож на кинозвезду мужского пола или, на худой конец, на какого-нибудь благородного лорда, имеющего право на пожизненное пэрство. У него превосходно вылепленные черты лица, красивая посадка головы и аристократически сдержанные манеры, хотя в данном случае речь идет скорее не о манерах, а о некоем шлейфе обаяния, в который складываются внешний облик, модуляции голоса, привычка держать себя и вообще все поведение. Увы, судьба склонна к злым шуткам. Большинству настоящих пэров она дала в удел невыразительную блеклую внешность и полное отсутствие лоска, а Федора Григорьевича обрядила в полицейский китель и отправила служить туда, где его достоинства лет сто не пригодятся. Впрочем, его всегда выпускают к телекамерам, чтобы произвести на прессу хорошее впечатление. К сожалению, пиранья пера заглядывают к нам нечасто, иначе доброй половине популярных актеров из полицейских боевиков пришлось бы сменить амплу и заняться подметанием тротуаров.

– Собственно говоря, – сказал Морозов своим чарующим обволакивающим голосом, – это еще не проблема, но, гм, грозит ею стать. Речь идет о звонке, который поступил сегодня утром на «02».

Мирошниченко зевнул и деликатно прикрыл рот рукой.

– Кажется, экзамены еще не начались, и студентам нет смысла звонить нам и говорить, что в здании такого-то института установлена бомба, – заметил он.

– Речь идет вовсе не о бомбе, – отозвался Тихомиров.

– А о чем?

Морозов кашлянул.

– Вы слышали об Алисе Лазаревой? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Еще как! – воскликнул Горохов. – Пару недель назад как раз паковали ее поклонников, которые ей житься не давали. Да и до этого чуть ли не каждую неделю арестовывали кого-нибудь из ее фанатов, и все это с тех пор, как она со своим мужем-банкиром переехала в наш район.

– Алиса – популярная певица, – счел необходимым разъяснить Морозов. – И актриса.

– По-моему, она сначала актриса, а потом певица, – возразил один из присутствующих, Кладовщиков.

– Они теперь мастерицы на все руки, – желчно вмешался Тихомиров, – это мода у них такая. Федор Григорьич, расскажи им о звонке.

– Да, так вот, – Морозов одним глазом покосился в свою записную книжку, – звонок поступил в десять ноль одну. Женщина, которая отказалась назвать себя, объявила, что 5 апреля, на дне рождения Алисы, который планируется в клубе «Бегущая по волнам», Лазареву убьют ударом ножа в сердце. И что сделает это человек, которого певица хорошо знает, а потому охранники Рома и Дима не смогут ее защитить. – Морозов захлопнул книжку и победно поглядел на всех нас.

На долю секунды в кабинете повисло неловкое молчание.

– Нет, это точно розыгрыш, – буркнул Мирошниченко, пожимая плечами.

– Может, желтая пресса постаралась? – высказал предположение Кладовщиков.

– Чушь какая-то, – проворчал кто-то из угла. – Бред сивой кобылы.

– Или кто-то решил испортить Алисе праздник.

– Тихо! – рявкнул Тихомиров. – Думаете, мы с Федором Григорьевичем такие идиоты, что тоже не подумали об этом? Да, сегодня первое апреля. Да, этот звонок сильно смахивает на дурацкую шутку. Только весь фокус в том, что пятого Лазарева действительно празднует день

рождения. И хотя во всех газетах писали, что она будет отмечать его в особняке на Рублевке, она действительно решила перенести торжество в «Бегущую по волнам».

– А как насчет ее охранников? – подал голос Ласточкин. – Названные имена соответствуют действительности?

Полковник обернулся к нему:

– Вот то-то и оно, что соответствуют, – буркнул он. – И вообще этот звоночек кажется слишком точным для того, чтобы с легкой совестью списать его на какого-нибудь неуравновешенного психа.

– И что теперь? – спросила я.

– Придется принимать меры, – сурово отозвался Тихомиров. – Ставить в известность Алису об угрозе, искать того, кто звонил, а главное – искать предполагаемого убийцу. Словом, предстоит обычная работа.

– Можно я возьмусь за это дело? – вскинул руку Горохов. Я вспомнила, что портрет Алисы Лазаревой висел у него на стене в кабинете и сам лейтенант был горячим ее поклонником. – Модест Петрович, пожалуйста!

В этот момент он больше всего походил на ребенка, который просит купить ему новую игрушку. Однако Тихомиров остался глух к этой мольбе.

– Нет! – отрезал он. – Я уже назначил людей, которые будут этим заниматься. Ласточкин! Синеокова! Поручаю дело Лазаревой вам. И смотрите у меня, чтобы без фокусов! Мне лишние истории не нужны!

– Слушаюсь, Модест Петрович, – после небольшой паузы отозвался Ласточкин. Но, честно говоря, я не уловила в его голосе особого энтузиазма.

– Мужа Лазаревой я уже поставил в известность, – продолжал Тихомиров, – так что можете сразу же приступить к работе. Да, по телефону у меня создалось впечатление, что у мужа есть определенные подозрения, так что я посоветовал бы вам встретиться с ним и его женой и откровенно поговорить.

– Модест Петрович, а можно я буду им помогать? – настойчиво попросил Горохов. Но полковник только сверкнул на него глазами:

– Обо всех результатах докладывать мне незамедлительно! А эту, как ее, Парамонову, выбросить из головы! У нас и без нее работы невпроворот. И вообще, как подумаешь, что некоторым на Мадейре фотомодели мороженое подносят, а я тут с вами... Так что не нарывайтесь и не занимайтесь ерундой, ясно вам?

Глава 4

1 апреля. Третий час дня

– Ее убьют, – говорил взволнованный женский голос. – Это точно. Один удар в сердце – и все.

– Откуда у вас такие сведения?

– Я не могу этого сказать.

– Назовите ваше имя, пожалуйста.

– Нет. Я не могу. Я боюсь.

На этом моменте запись памятного звонка заканчивалась.

– Ну что ж, – пробормотал мой напарник, пожимая плечами, – если это игра, она хорошо выдержала свою роль.

Он сел за стол и стал звонить. Нет, вовсе не Лазаревым, как вы сгоряча могли подумать, а эксперту-графологу, – просить его, чтобы он как можно скорее сличил прижизненный почерк Владислава Парамонова и почерк в странных письмах, полученных его вдовой. Очевидно, они не давали моему напарнику покоя.

– Ну что эксперт? – спросила я, как только Ласточкин повесил трубку.

– Говорит, у него очередь на несколько недель вперед, – буркнул Павел. – Дел до чертиков, а хороших специалистов – раз-два и обчелся.

После этого он позвонил Стасу и попросил его разыскать материалы по делу Парамонова – «ты понимаешь, надо кое-что проверить».

– Думаешь, это что-нибудь даст? – поинтересовалась я.

– Увидим, – довольно загадочно ответил Ласточкин.

И, наконец, он набрал номер Лазаревых. Разговор был очень короткий.

– Они нас ждут, – бросил Паша. Он снял с вешалки свою кожаную куртку. – Едем! Чем быстрее мы разделаемся с этим дурацким делом, тем лучше.

Мы закрыли окно, заперли дверь и, как следует из дальнейшего рассказа, отправились на поиски приключений, которые не преминули в самом буквальном смысле свалиться нам на голову. Впрочем, обо всем по порядку.

Мы покинули здание и спустились по растрескавшимся ступеням, усеянным выщербинами столь же густо, как лицо древнего старика – морщинами. Внезапно Ласточкин, который обычно ходит очень быстро, сбавил ход и придержал меня за локоть. Шагах в пяти от нас на тротуаре сбились в плотную кучу трое субъектов, и все трое по какому-то совпадению смотрели прямо на нас.

Дабы читатель мог различать их между собой, сообщу, что номер один носил на шее велосипедную цепь, сделанную зачем-то из чистого золота, номер два обладал плечами шириной в поезд-экспресс, а у номера третьего из особых примет имелись в наличии лишь оттопыренные уши. От себя добавлю, что если бы незабвенный Джек Потрошитель встретил эту троицу где-нибудь в темном переулке, то его бы хватил удар от ужаса.

Впрочем, его нельзя за это винить, потому что, хотя на улице был ясный день, прохожие, едва завидев трех подозрительных типов, которые преградили дорогу мне и моему напарнику, тотчас же переходили на противоположную сторону улицы и зачем-то ускоряли шаг.

«Это еще что такое?» – холодея, неприязненно подумала я.

Молчание прервал обладатель золотых вериг.

– Гыы, – сказал он, указывая на меня пальцем. – Гля, баба!

– Ментовка, – авторитетно заявил ушастый и сплюнул в пыль.

– Во дает! – восхитился очеловеченный поезд-экспресс. – Ты, это, того!

– Ну! Че надо? – спросил Ласточкин тяжелым голосом.

– Дело к тебе есть, – объяснил громила в веригах. – Так сказать, разговор.

– Это он хочет со мной говорить? – поинтересовался Ласточкин, кивая на человека-поезд. – А он умеет?

Тот насупился. Сделать это было довольно тяжело, учитывая, что лоб его никак не превышал высотой два пальца.

– Капитан Ласточкин – известный шутник, – уронил в пространство золотой человек. – Ты брось базарить-то. Делай, че велят.

– А пошел ты, – совершенно спокойно ответил Ласточкин и вслед за тем назвал место, в которое его собеседнику полагалось пройти. Судя по выражению так называемого лица последнего, предложение не пришлось ему по вкусу.

– Ты это, того! – заволновался поезд. – Не балуй!

– Похоже, капитан забыл, с кем имеет дело, – процедил ушастый сквозь зубы. – Я бы на твоём месте, получив приглашение от Арбатова, уже мчался бы во всю прыть.

Мне показалось, что я недавно уже где-то слышала это имя, но момент явно был неподходящий для того, чтобы уточнить что бы то ни было.

– Мне твой Арбатов даром не нужен, – отозвался Ласточкин. – Если я ему нужен, пусть он ко мне и приходит.

– Нет, ну блин! – возмутился экспресс. – Ты того, в натуре? А?

– Боюсь, Юра не примет такого ответа, – вздохнул ушастый. – Так что, девочки и мальчики...

– Напоминаю мальчикам, а также девочкам, – перебил его Ласточкин, – что я при исполнении. Так что пошли вон отсюда, уроды.

Я увидела, что он держит руку в кармане, и быстро отступила в сторону. Честно говоря, мне стало очень не по себе.

– Ты еще пожалеешь об этом, – просипел золотой, пятясь. Его кодла нехотя последовала за ним.

– С Арбатовым никто так не смеет разговаривать! – крикнул ушастый на прощание. Ласточкин выхватил руку из кармана, и его собеседник поспешно скрылся за углом.

– Черт, я же бросил курить, – вздохнул Павел, глядя на пачку сигарет, которую он держал в своей ладони. – Ладно, Лиза, надо нам навестить знаменитую актрису. А то мы и так с тобой задержались.

* * *

Заявляю со всей ответственностью за свои слова, что если где-то на земле и существует рай, то супруги Лазаревы, без сомнения, сумели отхватить от него весьма лакомый кусочек. Если мои творения когда-нибудь будут экранизировать в Голливуде, продвину вашу саркастическую улыбку, но в конце концов, как говорит Паша, скромность украшает лишь того, кого больше ничто не украшает, – словом, если я когда-нибудь продвинусь благодаря своему писательскому таланту, наследству гибралтарской тети, которой у меня все равно нет, или выгодному альянсу с каким-нибудь заваливающимся олигархом, я, может статься, тоже получу право жить в апартаментах, подобных лазаревским. Феерическая роскошь! Невиданное великолепие! Тоскующей тенью я ползла по коврам, затравленно озираясь на окружающие красоты. Позолота, блеск, картины, старинная мебель. Красное дерево, розовое дерево, зеленое дерево – в углу в кадке, выложенной стразами. Анфилады комнат увлекали и манили. Боже! Дайте мне кусочек этих неслыханных прелестей, я тоже так хочу! У-у, убогие коммуналки, однокомнатные квартиры-табакерки, кошмарные хрущобы, панельные дома... Тьфу на вас! Будьте вы прокляты и ныне, и всегда, и во веки веков!

Я покосилась на Ласточкина, и мне стало стыдно. Я не видела своего отражения в зеркале, но готова была поклясться чем угодно, что на моем лице отражалась жгучая, анафемская, лютейшая зависть. Не то что мой напарник. Он не казался равнодушным – он просто им был. Уверена, Алиса Лазарева вместе со всеми ее хоромами и богатствами занимала его в этот миг куда меньше, чем измученная женщина в голубом, которую судьба швырнула с самого верха в бессмысленное, пустое существование, пронизанное терпким страхом перед конвертами, что время от времени выпархивали из ее почтового ящика. Черт возьми, ну почему я не могу быть, как он?

Служанка проводила нас в гостиную, ту, где было поменьше позолоты, но побольше картин, и встала в дверях, словно ей наказали строго-настрого следить за тем, как бы мы по рассеянности не сунули в карман изящный столик, инкрустированный перламутром. В коридоре прошелестели шаги, зазвенели два голоса: мужской и женский. Слов я не разобрала. Наконец дверь отворилась и счастливые небожители вышли в гостиную.

Небожители? Вы шутите! Я чего-то не понимаю, или окружающая обстановка должна все-таки накладывать отпечаток на своих владельцев? Вы, конечно, скажете, что я злобствую, но хотела бы я знать, что бы вы подумали, увидев перед собой плешивого типа неопределенного возраста с глазами-буравчиками и харизмой Бармалея. Его абсолютно законная супруга, которой 5 апреля должно было исполниться 33 года, являла миру гладкое ухоженное лицо, в котором все же проглядывало нечто крысиное. Возможно, виною тому были заостренный носик и прищуренные глазки, а возможно, все это было лишь моим плодом воображения и недоброжелательности. Многие считали Алису Лазареву красавицей, а кое-кто даже не отказывал ей в таланте, впрочем, не уточняя, в каком именно. Глупо утверждать, что в наши дни так уж обязательно иметь талант, чтобы петь или играть в кино, – для этого вполне могут сойти и другие таланты, никак не связанные с актерством или пением. И, несмотря на ухоженное лицо и хорошо продуманный макияж, у Алисы Лазаревой был вид усталой, потрепанной жизнью, даже не женщины – бабы; и никакие дорогие тряпки, а вошла она в шифоновом платье, которое наверняка было создано в мастерской именитого кутюрье, уже не могли спасти положения. Ее муж был облачен в костюм того божественного серого оттенка, рядом с которым и пепельный, и антрацитовый кажутся линиялыми тряпками. Кажется, хотя я вовсе не уверена, что этот цвет называется жемчужно-серым.

Лазарев сел в кресло, актриса – на диванчик, закинув ногу за ногу. Я заметила, что при этом она почему-то метнула взгляд на Павла, но он был занят разговором с ее мужем. Представив меня и назвав свое имя, капитан кратко объяснил, зачем мы сюда приехали.

Едва Лазарев понял, что мы работаем не на Петровке, а в самом обыкновенном отделении полиции, на его чисто выбритом лице показалось нескрываемое отвращение. Какие странные, однако, люди служат в полиции! Его жене, его обожаемой Алисе угрожает опасность, а ему присылают двух каких-то... Он искал слова, способные не оскорбить нас, и не мог их найти.

– Давайте все-таки перейдем к делу, – предложил Павел, которому было совершенно безразлично мнение Георгия Лазарева о нем, точно так же, как и сам Лазарев. – Начнем с дня рождения. Это правда, что он состоится в пятницу, пятого апреля?

– Да, – подтвердил Лазарев.

– И его будут отмечать в клубе «Бегущая по волнам»?

– Теперь уже, очевидно, нет, – подала голос Алиса, очаровательно улыбаясь симпатичному капитану.

– Но это просто глупо – отменять такое торжество! – вскинулся ее муж.

Алиса сделала рукой легкий жест, который, очевидно, означал: все в порядке, все под контролем. К моему изумлению, Бармалей тотчас стих.

– Я хотел бы, чтобы вы прослушали запись звонка, – сказал Ласточкин, доставая из внутреннего кармана диктофон. – Может быть, вы узнаете голос звонившей?

Паша включил запись, и мы в полном молчании прослушали ее до конца.

– Нет, – сказал Лазарев, – этот голос я не знаю.

– Я тоже, – поддержала его жена.

– Жаль, – вздохнул мой напарник. – Это бы многое нам упростило. – Он откинулся на спинку стула. – Как, по вашему ощущению, следовало бы относиться к этому предупреждению? Это может быть чьей-то шуткой или?..

– По-моему, это вы как раз и обязаны установить, – сварливо встрял муж. Но Алиса опять успокоила его легким движением руки.

– Разумеется, – ответил Паша на слова Лазарева. – Но нам надо хотя бы приблизительно знать, где искать. – Он обратился к Алисе: – Скажите, у вас есть враги?

Она улыбнулась. Честное слово, если бы я была цветком, то я бы точно завяла от этой улыбки.

– У всякого, кто чего-то добился, есть враги, – проговорила она низким мурлыкающим голосом, который сама она, вероятно, считала наиболее обворожительным.

– Я бы хотел знать о них конкретнее, – тихо промолвил Павел.

Алиса улыбнулась еще шире.

– О, это будет очень долгий рассказ, – не без иронии заметила она. – Все актрисы, которых я обошла, все певицы, дела у которых идут хуже, чем у меня, все неудачницы, которые мечтают оказаться на моем месте, они все спят и видят, как я очочурюсь. Люди ужасно завистливы, – извиняющимся тоном прибавила она.

– И все они могли бы вас убить? – также не без иронии отозвался Ласточкин.

Алиса выдержала паузу, поднесла руку ко рту и прикусила костяшку указательного пальца. Мы терпеливо ждали.

– Нет, не все, – с неожиданной резкостью промолвила она, убирая руку. – Есть один человек, который действительно обещал меня убить. Многократно, – и она значительно подчеркнула это слово голосом, как двумя жирными чертами.

«А-а, старая история, – смутно подумала я. Брошенный любовник, которого ты променяла на этого процветающего господина».

– Ее зовут Оля Барина, – продолжала актриса. – Когда-то мы были подругами, потом посорились.

– Из-за чего? – спросил Ласточкин, который быстро писал в своем блокноте.

– Из-за моего первого мужа. Грустная вышла история. Оля тоже была в него влюблена и вбила себе в голову, что он отвечает ей взаимностью. Когда она узнала, что мы поженились, то попыталась покончить с собой, но неудачно.

– Как зовут первого мужа?

– Сергей. Сергей Шестопалов, – поправила Алиса.

Ласточкин поднял голову:

– Не тот ли Шестопалов, что был вице-директором автозавода?

– Да, – подтвердила Алиса. – Но это было довольно давно. Фирма обанкротилась, ему пришлось уйти из бизнеса. Сейчас у него небольшое охранное агентство или что-то вроде этого.

– Как я понимаю, с первым мужем вы разведены?

– Вы понимаете правильно, – сказала Алиса, глядя на него прозрачными глазами слишком многое перевидавшей женщины.

– То есть теперь он свободен и мог бы связать свою жизнь с этой Олей. Зачем же ей убивать вас?

– Сергей никогда не станет связывать с ней свою жизнь, – с металлом в голосе отчеканила актриса. – Ему ни к чему лишняя обуза, поверьте. А Оля вбила себе в голову, что я разрушила

ее жизнь. Она уверена, что, если бы не я, у нее все было бы хорошо. Она неоднократно грозилась убить меня – по телефону и лично, причем в присутствии посторонних.

Паша кивнул, словно это его вполне устраивало, и спросил, где живет Оля Барина и какой у нее номер телефона. Последний Алиса не помнила, сказала лишь, что бывшая подруга ютится где-то на Юго-Западе.

– Может быть, Шестопалову известно, где она живет?

– Вряд ли, – с сомнением отозвалась Алиса, но все же дала телефоны бывшего мужа – домашний и сотовый. Судя по номеру домашнего, Сергей тоже обитал далеко не в центре Москвы.

– Последний вопрос, – сказал Ласточкин. – Оля Барина была приглашена на ваш день рождения?

– Еще чего не хватало! – вскинулась актриса.

– Как же тогда она могла бы вас убить?

– О, она всегда была жутко пронырливая, – с пренебрежением ответила Алиса. – Уверена, если бы она захотела, она смогла бы пробраться ко мне на вечер.

Ласточкин захлопнул блокнот, спрятал его вместе с ручкой и поднялся с места.

– Я надеюсь, вы сообщите нам о принятых мерах, – сухо сказал Георгий Лазарев, вставая. Паша спокойно поглядел на него сверху вниз. Лазарев был далеко не мелким мужчиной, но рядом с высоким капитаном казался коротышкой.

– Обязательно, – сказал мой напарник. – На всякий случай, если вы не передумали насчет празднования, я бы посоветовал вам удвоить охрану.

– Это уже сделано, сержант! За кого вы нас принимаете?

– Капитан, – тихо поправил его Ласточкин и подтолкнул меня к двери.

Глава 5

1 апреля. 5 часов 15 минут вечера

Все еще полная впечатлений от чужого великолепия, я вышла на улицу и вместе с Ласточкиным направилась к автомобилю, который мы с трудом припарковали на другой стороне улицы.

– Стало быть, у нас два дела, – говорил Павел. – Первое – письма, которые приходят от имени покойника, и второе – тот, кто хочет воткнуть нож в несравненную мадам Лазареву. Лиза!

– А?

– Ты совсем меня не слушаешь!

Мы стояли уже возле нашей машины: Ласточкин – со стороны водителя, я – напротив. И вдруг...

Ах, это коротенькое, неумолимое, как нож гильотины, слово! Сколько авторов в своих романах прибегают к его посредничеству, чтобы обозначить поворотный момент сюжета, неожиданное событие, сюрприз, чаще всего неприятный, или просто нечто из ряда вон выходящее!

О, мой друг «вдруг»! И на этот раз тебе придется выручать меня, потому что я ничего не увидела, не заметила и не сообразила. Даже тень предчувствия не сооблаговолила осенить меня. Я только удивилась, отчего Паше Ласточкину неожиданно вздумалось сломать мне руку. Потому что он ни с того ни с сего цепко ухватил меня чуть ниже локтя и что было сил рванул к себе, перетащив через капот авто.

Ощущение было такое, будто руку мне выдирали клещами. Я заверещала так, словно меня резали, а Ласточкин, не останавливаясь на достигнутом, отпихнул меня с такой яростью, что я отлетела шага на три и плюхнулась на асфальт, ободрав ладони и разорвав юбку.

АР-РАХХХ! И вслед за этим какой-то тупой чавкающий звук вроде «шмяк»!

Завизжали тормоза машины, которая чуть не наехала на меня. Я кое-как поднялась и обернулась к Ласточкину, твердо намереваясь потребовать объяснения его, мягко говоря, странного поступка, и тут в унисон взвыли сигнализации сразу трех или четырех автомобилей, включая наш. Я покачнулась. Господи! Да что такое случилось с нашей машиной? Или весь мир сегодня сошел с ума?

Ласточкин, очень бледный (он тоже упал), поднялся с асфальта, утирая рукавом губы. Я подошла поближе, не веря своим глазам, а сигнализации все продолжали выть. Водитель на дороге в обалдении высунул голову из салона и вертел ею во все стороны.

Возле нашего автомобиля в месиве битого стекла и каких-то погнутых окровавленных железок лежит грузное женское тело. Похоже, падая, она зацепила нашу машину, но в тот момент я думаю вовсе не об этом. Если бы я осталась стоять на месте и если бы Ласточкин не отшвырнул меня в сторону в последний момент...

Рука болит адски, но я усилием воли заставляю себя забыть о ней.

– Паша! Ты цел? Паша!

– Я ничего. Ты-то как?

У меня дрожат губы. Ласточкин оборачивается к телу, распластанному на тротуаре. Сорок пять лет? Пятьдесят? Глаза широко раскрыты, из угла рта зигзагом сбегает струйка крови. Я нагибаюсь, трогаю руку, ищу пульс.

– «Скорую» сюда, – хрипит Ласточкин и берет за сотовый.

– Похоже, она мертва, – бормочу я. Пульса нет.

– Девятый этаж, – хрипло выдыхает капитан.

– Ты видел, откуда она упала?

– Нет. Я видел, как она летела. На девятом этаже открытое окно, на других нет.

– Думаешь, это самоубийство?

Паша пожимает плечами:

– Не знаю, Лиза. Вообще-то, это не наш уже район. Пусть этим делом местные занимаются.

Он прав: наш район начинается на другой стороне улицы. И, честно говоря, сейчас я даже рада этому.

* * *

Полиция прибывает через двенадцать минут, «Скорая» – через сорок, но она уже никому не нужна. Капитан Колесников, молодой, с седыми нитями в русых волосах, немного заикающийся при разговоре, давний и хороший знакомый Ласточкина. Краем уха я слышала, что возле какого-то банка в свое время был взрыв и именно после него Колесников стал таким.

– Похоже, со свидетелями мне повезло, – говорит он с мягкой извиняющейся улыбкой. – Девятый этаж, говоришь?

Он подходит к телу, но, увидев лицо, отшатывается как ужаленный:

– О ч-черт!

– В чем дело? – спрашивает Ласточкин.

На лицо самого Колесникова жалко смотреть.

– Это же Агриппина... Целительница, ворожея, ясновидящая и всякое такое...

Всё, вечерние новости получили свой горячий сюжет. Желтые журналисты, точите перья: знаменитая Агриппина покончила жизнь самоубийством! Броские заголовки, версии – одна заковыристей другой. Не сглазил ли ее маг-соперник? Не соблазнил ли известный летун Карлсон, живущий на крыше?

Что-то сегодня я слишком злая, в самом деле. Да и с чего вообще ей было кончать с собой?

Похоже, та же мысль приходит и в голову Колесникову:

– Нет... Т-тут что-то не так.

И начинается рутина. Обычная полицейская работа. Опросить всех, кого только можно! Привычки? Враги? Круг знакомств?

Формально мы всего лишь свидетели, да еще и не на своей территории, но прежде всего мы полицейские. Тело – крошка из костей и мяса – увезено в морг, дом оцеплен. Над кровавой лужей и нашей изуродованной машиной сверкают, слепя глаза, вспышки фотоаппаратов. На противоположном тротуаре, привлеченные неожиданным зрелищем, скапливаются толпы зевак и тоже снимают, снимают, все снимают на свои сотовые. Новость о гибели знаменитой ясновидящей перепархивает из уст в уста. Ах, кто бы отрезал ей к чертовой матери крылья!

Дом – шикарный, хоть и не идет ни в какое сравнение с тем, где живет Лазарев. Но охрана налицо, в подъезде – видеокamеры. Двое охранников категоричны: в последнее время к Агриппине никто не приходил.

С кем она живет? Одна. Есть еще женщина, которая помогает ей по хозяйству, но она появляется всего три раза в неделю. Сегодня она не приходила, совершенно точно.

Дверь квартиры, где жила несчастная, надежно заперта. Колесников вызывает людей, ищет очевидцев, но жильцы дома чуть ли не смеются ему в лицо. Эти люди презирают полицию и не желают иметь с ней никакого дела. Напротив Агриппины живет известный шоумен, этажом ниже – ведущий, а этажом выше гремит веселая молодежная вечеринка. Никто ничего не видел и видеть не хотел: подумаешь, кто-то выпал в окно, нам-то какое дело?

В хорошо обставленных комнатах – никого. Дверь была закрыта на замок. Окно распахнуто, и теперь в него плещет мелкий дождь. Внешне – в комнате никаких следов борьбы. Два

сейфа надежно заперты, как сундуки Степана Плюшкина. Но Колесникова все же что-то подспудно тревожит.

– Предсмертной записки нет, – сообщает он нам.

– Ее не всегда пишут, – говорю я ему то, что он и без меня прекрасно знает.

– Глянь-ка на полу возле окна, – советует ему Ласточкин.

У Павла острый глаз, ничего не скажешь. Колесников нагибается и подбирает золотой браслет с висячими фигурками, который затерялся среди ворсинок роскошного ковра.

– П-порван, – неуверенно говорит наш коллега. – Но дверь была заперта. И тем не менее записки нет.

Он приказывает эксперту-криминалисту как можно тщательнее осмотреть окно и снять все возможные отпечатки. В квартире начинают трезвонить телефоны, и их жалобное воркование похоже на похоронный марш по женщине, которой больше нет.

* * *

Восьмой час вечера. Или уже девятый? Все равно. Я устала и хочу домой. Завтра у нас с Пашей выходной. Засада и одновременно преимущество нашей профессии – ненормированная рабочая неделя. Значит, послезавтра, если нам не подкинут каких-нибудь сюрпризов, займемся Ларисой Парамоновой, женщиной с затравленными глазами. И еще той певичкой или актрисой. Почему-то я убеждена, что она доживет до ста лет и все эти угрозы в ее адрес – полная чепуха.

Знаменитая Агриппина была по паспорту Марией Васильевной Стародубцевой. Ей исполнилось сорок шесть лет, ее бизнес, судя по квартире, был успешен. Что же толкнуло ее на этот жуткий шаг? Или это было вовсе не что-то, а кто-то? Но меня это интересовать не должно. Не мой район, значит, меня это не касается. Вот и все. Жаль только, автомобиль наш теперь придется чинить черт знает сколько.

– Приехали, – говорит Дымов, коллега Колесникова, которому тот поручил подвезти нас до отделения. – Ну, бывай, Паша. Пока, Лизавета!

Вечер, и фонари неторопливо струят свой жирноватый оранжевый свет.

– Ну, Петрович нам задаст, – говорит мой напарник.

– За что?

– Как за что? За то, что в историю вляпались и машину испортили.

– Мы же не виноваты, что она именно на нее свалилась!

– Для Петровича это не оправдание.

Кладовщиков, поймавший нас в коридоре, кричит, что шеф немедленно зовет нас к себе. Хорошо, сейчас будем. Только выпьем кофейку. Что-то этот день выбил нас из колеи.

Вот и дверь нашего кабинета. В коридорах заметно поубавилось народу. Где-то за стеной один из оперов кричит по телефону так громко, что слышно почти каждое слово.

Щелкает замок. Зевают петли.

– После вас, – весело произносит Ласточкин привычную фразу, которую он всегда говорит, пропуская меня в кабинет.

Я заносу ногу, чтобы переступить через порог. И...

И встречаюсь глазами с человеком, который небрежно развалился за столом на месте капитана.

Глава 6

1 апреля. Девятый час вечера

Мое удивление сравнимо только с удивлением того хрестоматийного мужа, который вернулся из командировки раньше времени и застал у себя дома незнакомого субъекта без штанов, который запросто общался с его женой. Мысленно я попыталась вспомнить, какое наказание полагается за самовольное проникновение в помещение, занимаемое сотрудниками органов внутренних дел, когда мой взгляд упал на закованного в золотую велосипедную цепь страдальца, маячившего у окна справа. Его приятель с внешностью поезда расположился на батарее, а третий член птицы-тройки – тот, что с оттопыренными ушами, – облокотился о сейф. В свободной руке он держал зубочистку, которую вынул изо рта, как только мы вошли.

Вид незваных гостей мне не понравился настолько, что я на мгновение даже пожалела, что при мне нет оружия. Потому что пистолет мой был заперт в сейфе вместе с подшивкой пропитавшихся пылью, передаваемых от опера к оперу нераскрытых дел, которые и мне придется сдать в свой черед, когда я уйду из полиции или «меня уйдут».

– Добрый вечер, – сказал человек за столом очень вежливо и посмотрел на меня внимательно.

В свою очередь, я посмотрела на него и увидела господина лет тридцати пяти или около того, уверенного в себе, отменно одетого и тщательно причесанного. Рост от ста семидесяти пяти до ста восьмидесяти двух, точнее можно будет определить, когда незнакомец поднимется на ноги. Брюнет, глаза карие, глубоко посаженные, нос в профиль коротковат, но в общем и целом лицо скорее симпатичное, чем отталкивающее. Костюм темный, явно сшит на заказ, а ботинки прямо-таки лоснятся от самодовольства, что их носит такая персона. Также к комплекту прилагались дорогие часы, брильянтовые запонки, шелковый галстук, который как-то посмурнел и съежился от окружающей обстановки, едва заметный шрам на левой руке вдоль ребра ладони и все в себя вбирающий, все примечающий, очень цепкий взгляд. Если не считать последнего, неизвестный производил вполне положительное впечатление, и я уверена, что мало какая девушка отказалась бы получить его в качестве подарка на день рождения.

– А мы вас тут заждались, – сказал обладатель взгляда. – Значит, Елизавета Владимировна Синеокова, будущая великая писательница и прочее, – это вы?

Я позеленела.

– Как вы сюда вошли? – вмешался мой напарник. – Дверь была закрыта.

– Она была открыта, – спокойно парировал незнакомец. – А вы действительно в полиции работаете? – Это было сказано мне. – Потому что, вы не обижайтесь, но вы совершенно не похожи на... э... сотрудницу органов.

– Давайте не будем обсуждать, кто на кого не похож, – проскрежетала я. – Иначе так можно далеко зайти. И вообще вы кто такой, простите?

Тут я уловила, что мой собеседник удивился. По-настоящему.

– Я – Юрий Арбатов, – сказал он. – Ваш напарник пригласил меня зайти. Ну, я и зашел.

– Я... – начал Паша.

– Гы-гы! – обрадовался человек-поезд. – Раз забил стрелку, отвечай за базар.

– Заткнись!

Слово, выплунутое Арбатовым, пролетело через комнату и, как кляп, заткнуло экспрессу рот. Громила съежился и, как показалось мне, даже стал уже в плечах.

– Есть разговор, – сказал человек в дорогом костюме. И покосился на меня.

Ласточкин равнодушно пожал плечами:

– Мне с тобой не о чем разговаривать.

– И тем не менее разговор будет. Сегодня утром к тебе приходила Лариса Парамонова.

– Не помню такой.

– Вы долго сидели с ней в кабинете и о чем-то шептались.

– Ах эта! Да, теперь я понял. Она приходила делать мне предложение руки и сердца. А я ей отказал.

– Шутник, – с ненавистью процедил человек с золотой цепью.

Арбатов вздохнул. Но глаза у него сделались недобрые, и я не сомневалась, что если когда-нибудь он сможет припомнить Ласточкину его обхождение, то непременно это сделает.

– Елизавета Владимировна, – обратился он ко мне, – будьте так добры, образумьте, пожалуйста, вашего напарника. Нам ни к чему ссориться, уверяю вас. В этом деле у нас общие интересы.

– С этого и надо было начинать, – сухо сказал Паша. – Ты хочешь стрясти с Парамоновой оставшуюся часть долга. Значит, это ты пугал ее адом и всякой чепухой?

– Чего? – изумленно спросил Арбатов.

– Это ты угрожал ей, верно?

Арбатов поступил так: он откинулся на спинку стула и задумчиво уставился на Ласточкина. Лопухий поглядел на зубочистку, которой он ковырял в зубах, и спрятал ее в карман. Где-то в коридоре хлопнула дверь, застучали женские каблучки – и стихли. Следует отдать Арбатову должное: паузу он умел держать не хуже Алисы Лазаревой, а может, даже и лучше.

– Если бы я хотел ей угрожать, – промолвил он наконец, потирая мочку уха, – она бы никогда к тебе не пришла – это раз. И два: я бы давно уже получил свой долг.

– Да?

– Да. И вообще, капитан, ты меня с кем-то путаешь. Ничего нет проще, чем прижать слабую женщину, – тут он опять зачем-то посмотрел на меня, – но я этим не занимаюсь. Даже ради денег. Хотя как раз с Парамоновой, может быть, и следовало так поступить.

– Почему?

– Потому что ее муж жив. И она наверняка знает, где он скрывается.

– Любопытно, – сказал Ласточкин, буравя собеседника взглядом. – А что вообще тебе известно о Парамонове? Что он был за тип и почему так нелепо умер?

– Он не умер, – холодно ответил Арбатов. – Он наделал долгов на много миллионов баксов, а потом – бабах! – исчез. В то утро он ехал куда-то по делам, и его лимузин взлетел на воздух. Все четверо человек, которые находились в машине, погибли.

– А кто именно находился в машине? – спросил Павел, который слушал Арбатова все внимательнее и внимательнее.

– Двое охранников, шофер и сам Владислав Парамонов. По крайней мере, так считает следствие.

– От самого Парамонова что-нибудь осталось?

– Что-нибудь, – отозвался Арбатов с тонкой усмешкой.

– Ясно. Можно откровенный вопрос? Скажи, это случаем не ты его?..

– А какой смысл?

– Ну мало ли какой. Припугнуть других должников, к примеру.

– Нет, – как бы с сожалением промолвил Арбатов, – это не я.

– Уверен? – саркастически осведомился Ласточкин.

– До чего же у вас невозможный напарник, Елизавета Владимировна... Да, уверен. Доволен?

– Нет. Потому что если не ты, то кто-нибудь другой вполне мог его заказать.

– Знаешь, Ласточкин, по странному совпадению это тоже мне приходило в голову. Но те люди, которые могли пришить Парамонова и которых я расспрашивал, тоже отрицали свое участие в этом деле.

– Ха, потому что они знали, что им может быть за их откровенность.

– Думай что хочешь, но лично я убежден, что никто Парамонова не убивал. Он подстроил этот взрыв, чтобы присвоить деньги и смыться. И сейчас он сделал себе пластическую операцию, сидит где-нибудь на тропическом курорте и смеется, как он обвел нас вокруг пальца. – На лбу Арбатова вздулась косая жила, глаза сузились. – Так вот, капитан, уясни себе: я не люблю, когда надо мной смеются. И лжепокойничка этого я достану, с твоей помощью или без.

– Ну, это твое право, – отозвался Павел. Он потер лоб и задумался. – Ты считаешь, жена в курсе, где он?

– Тут только два варианта, капитан. Или она в курсе и разыгрывает дурочку, чтобы отвести подозрения, или же муж избрал ее козлом отпущения. Платить-то по счетам пришлось ей.

Ласточкин усмехнулся:

– Да, но если он действительно умер, ни один из этих вариантов не работает.

Арбатов поднялся и одернул пиджак. Лопухий перестал подпирать сейф и приосанился, охранник с цепью отлепился от окна, а человек-экспресс слез с батареи.

– Мертвые меня не интересуют, – произнес Арбатов, глядя капитану прямо в глаза. – Меня интересует Владислав Парамонов. Живой. И тот, кто доставит мне эту мразь, получит соответствующую награду. Впрочем, ты, я слышал, денег не признаешь. Значит, я просто скажу тебе большое человеческое спасибо.

Все-таки он сумел уесть Ласточкина – я поняла это по тому, как дернулись ноздри капитана.

– До свидания, – сказал Арбатов, шагнув к двери.

– Не до свиданья, а прощай, – неприязненно бросил ему вслед Павел.

Сделав вид, что не расслышал, Арбатов в сопровождении своей свиты вышел из комнаты. Честно говоря, только когда они скрылись за дверью, я осознала, что мне стало как-то легче дышать.

– Все интересней и интересней, – вздохнул капитан и взялся за телефон.

Несмотря на поздний час, Стас Зарубин был еще на работе. Павел довел до его сведения, что у нас были неприятные гости, и попросил прислать знающего человека, чтобы тот обследовал комнату на предмет подслушивающих устройств.

Повесив трубку, Ласточкин хотел опуститься на стул, но вспомнил, очевидно, кто только что на нем сидел, и поморщился.

– Паша, кто он такой? – не удержалась я.

Мой напарник ответил не сразу.

– Человек, от которого надо держаться подальше, – сказал он. – Только и всего.

Глава 7

Среда, 3 апреля. Утро

Я просыпаюсь от дробного грохота. За окнами рабочие вскрывают асфальт, чинят, перекладывают трубы и обустривают двор. «Уииии! – в дело вступает электропила. Она визжит, как жена олигарха, которую бросили и оставили без содержания, вдобавок предъявив ей счет на те деньги, которые она потратила в браке с дорогим, в прямом смысле слова, мужем. «Пах, пах, пах, пах!» – одышливо фырчит экскаватор. Слышен лязгающий грохот металлических труб, которые опять повалились куда-то не туда. Последнее, кстати, недвусмысленно следует из пылкой речи начальника рабочих, щедро пересыпанной нецензурными словами.

Боже! Боже... Хочу на работу! Как можно скорее! Немедленно! Пусть осчастливит меня судьба трупом без головы, который выплывет к нам из реки. Я согласна даже на расчлененку, заботливо рассованную по мусорным ящикам. Говорите, убойный отдел? Убойная жизнь!

У зубной пасты привкус ненастья. Я выплевываю ее и слышу, как в комнате начинает звонить телефон.

– Твое дело во всех газетах! – жизнерадостно кричит мама в трубку.

От неожиданности я едва не поперхнулась:

– Какое дело?

– Ну, той ясновидящей, которая покончила с собой.

– Это не мое дело. Оно даже не в нашем районе произошло, и мы с Ласточкиным им не занимаемся.

«Уииии! Грах-тах-тах!» Нет, на работу, на работу... На работе хорошо: убийцы, мошенники, воры, потерпевшие, свидетели – настоящий рай!

Пока я самозабвенно предаюсь отчаянию, взгляд мой падает на букет цветов, который мне вчера прислали с курьером. Вот он какой, мой напарник! Не человек, а просто золото!

– Во всех газетах пишут, что ее устранили конкуренты, – продолжает меж тем мама, пропуская мои слова мимо ушей.

– Кого?

– Ну, ту целительницу, Агриппину!

Она садится на своего любимого конька. Мне нужно такое дело, чтобы газеты обо мне заговорили. Чтобы мое фото было на первых полосах всех периодических изданий! Но только чтобы не рисковать жизнью, ни-ни. Для этого, в конце концов, есть мужчины, хотя бы тот же Ласточкин.

– Мама, извини, мне надо идти!

В метро тепло и душно, как всегда в это время года. Поезд, как синяя гусеница, всасывается в туннель, показав мне свой хвост. Не беда, придет другой.

Ласточкин уже в нашем кабинете. Сидит за столом, изучает какие-то бумажки. Хотя это глупое слово: в нашей работе просто «бумажек» не бывает.

– Удалось отыскать что-нибудь по нашим делам? – спрашиваю я.

– Удалось. Адрес Оли Бариновой я пробил. Кстати, она бывшая певица.

– Едем к ней? – деловито предлагаю я.

– Ага, – усмехается Паша. – И с порога спрашиваем, уж не собирается она зарезать бывшую подружку. А она, конечно же, вот так сразу нам все и расскажет.

– Я вся во внимании, – сказала я, делая серьезное лицо.

– Поскольку она бывшая певица, явемся к ней под видом журналистов. Я репортер, ты – фотограф.

– Есть одно «но», Паша: я плохо фотографирую.

– А я так вообще не умею брать интервью, – парировал мой напарник. – Ничего, как-нибудь прорвемся. Кстати, я уже позвонил и договорился о встрече. В одиннадцать утра.

Он выдвинул ящик стола и вытащил оттуда устрашающего вида профессиональную камеру с длинным, как клюв тукана, объективом, при виде которой во мне сразу же ожили все самые нехорошие предчувствия.

– Но, Паша, это же профессиональная оптика! Я такую вообще никогда в руках не держала!

– Лиза, – сердито сказал Ласточкин, – от тебя вовсе не требуется быть настоящим фотографом. Главное – убедительно сыграть роль, поняла? А что ты нащелкаешь и как – это, извини меня, вообще никого не колышет! Просто делай умное лицо и жми на кнопки.

Я надулась. А что бы вы сделали на моем месте?

– Камеру береги, разобьешь – Петрович с тебя стружку снимет. Он и так из-за машины на нас зол.

– А что насчет машины, кстати?

– А ничего. Прокатимся на метро.

– Кстати, Паша, я же тебя не поблагодарила, – сказала я, когда мы тщательно проверили, не осталось ли при нас вещей, которые могут выдать нашу профессиональную принадлежность, и покинули отделение.

– За что? – рассеянно спросил мой напарник.

– За цветы, которые ты мне вчера прислал.

Павел остановился и взглянул на меня в упор.

– Я не присылал тебе никаких цветов, – сказал он. Было очевидно, что мой напарник не шутит.

– Но тогда кто же?.. – пробормотала я в удивлении.

– Какой-нибудь таинственный поклонник, – отозвался капитан, пожимая плечами.

В синем вагоне, который уносил нас на юго-запад, я не удержалась и спросила у Ласточкина, что он думает по поводу нашего второго дела и визита Юрия Даниловича Арбатова в наши скромные пенаты. Павел поморщился.

– Если Парамонов и впрямь не поделил чего-то с Арбатовым, то для его же собственного блага я бы пожелал ему оставаться мертвым, – наконец признался он.

– Что, Арбатов настолько страшен?

– Да как тебе сказать, – буркнул мой напарник, дернув щекой. – Ты же видела, какой он. Вежливые, спокойные манеры, речь образованного человека, но все это ничего не значит, поверь мне. Он всегда был хладнокровным, безжалостным мерзавцем, а когда прорвался к большим деньгам, стал еще опаснее.

– Гм, – произнесла я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– В сущности, он обыкновенный бандит – из числа тех, которые вовремя сумели прикинуться бизнесменами. И он открыто дал нам понять, что он заинтересован в деле... Вот только насколько открыто? Не сыграем ли мы ему на руку своим расследованием? – Ласточкин нахмурился: – Вообще, вся эта история: этот беспокойный покойник, который терроризирует жену письмами, – меня очень тревожит.

На остановке в вагон ввалилась целая толпа народу, и капитан замолчал.

Мы сравнительно быстро отыскали дом, в котором жила Оля Барина. Не хрущоба, но и не хоромы. Унылая многоэтажка, московский стандарт. На двери подъезда красовался обшарпанный домофон, у которого был такой вид, словно он провисел тут уже лет тридцать, не меньше. Павел набрал номер квартиры, и аппарат отозвался неожиданно старческим голосом:

– Да?

– К вам представители прессы, – сообщил Ласточкин, подмигнув мне. Я взяла на изготовку фотоаппарат, который уже успел оттянуть мне руки.

– Конечно-конечно! – обрадовался домофон. – Проходите, пожалуйста!
Дверь отворилась с мышинным писком.

– Паша, – сказала я вполголоса, когда мы поднимались в лифте, – я чего-то не поняла.
Кто это с нами говорил?

– Олина бабушка, – объяснил мой напарник. – Я уже разговаривал с ней вчера по телефону.

Она ждала нас на пороге квартиры, улыбаясь немного смущенно.

– Вот... Сюда... Проходите, пожалуйста. Я уже приготовила вам тапочки.

Ее радость от нашего визита была настолько искренней, что я почувствовала укол совести. Черт возьми, какое право мы имели обманывать ее и внушать ей необоснованные надежды?

– А где Оля? – спросил Ласточкин.

– Она придет, придет, – заторопилась старушка. – Она звонила мне... Просто их часто задерживают.

– На работе, значит? Надо же, какая жалость... И где она теперь работает, если не секрет?

– Не секрет, – вздохнула старушка. – Она уборщица в «Бегущей по волнам».

* * *

Вот это совпадение! Подозреваемая работает в том самом клубе, где грядущая жертва Алиса Лазарева собирается праздновать знаменательное событие – 33 года с момента своего появления на свет! Попрошу учесть этот факт, дамы и господа.

Но покамест жертва за тридевять земель, то есть на другом конце Москвы, а предполагаемая убийца то ли в клубе, то ли уже едет домой. Бабушка Оли улыбается робкой улыбкой. У меня сжимается сердце...

– Может быть, чайку?

Мы не отказываемся от чая. Мы ведем себя как ушлые журналисты, настоящие пираньи пера. Я рассматриваю плакаты на стенах. Группа «Шиповник», шесть девиц выстроились в шеренгу. Вторая брюнетка слева с белозубой улыбкой – это Оля. Ласточкин делает мне страшные глаза, и, спохватившись, я прошу позволения сфотографировать плакат. Господи боже, сколько настроек у этого чертова фотоаппарата!

Меж тем мой коллега по работе ненавязчиво расспрашивает старушку о ее замечательной внучке. Немолодая женщина тает. О, ее Оля такая хорошая девочка! Какой у нее был голос, просто ангельский! Какая она милая, славная, красивая! Сейчас она принесет альбом с фотографиями...

Я мрачнею, как кофейная гуща, в которой гадалка уже увидела разорение, отвергнутую любовь, темные мысли и конец света разом. Можете сколько угодно называть меня циником, но факт остается фактом: чаще всего именно у таких положительных, искренних, открытых людей, как эта старушка, и вырастают родичи преступники. С чем это связано, я не знаю, а придумывать научнообразное объяснение мне не хочется. Меж тем бабушка Оли уже приносит увесистую гору альбомов.

– Вот... Здесь Оленьке год... А здесь она с мамой...

Ласточкин включает диктофон, с умным видом задает типичные журналистские вопросы. Что у Оли за семья, кто ее родные?

Ничего утешительного. Отец бросил мать вскоре после рождения дочери, мать пристрастилась к выпивке... Растила ребенка фактически одна бабушка.

– Вот... Это Оленька в школе. Четвертый класс...

Черно-белая фотография, косички, внимательные глаза. Старушка протянула фотографию мне:

– Можете переснять, если хотите... Вам ведь нужно для статьи, да?

– Да-да, конечно, – отвечает Ласточкин.

С грехом пополам отыскав макрорежим на туканьем клюве, я переснимаю эту фотографию, затем еще одну, и еще десять, и еще сто... Нет, никогда! Ни за что! Не буду фоторепортером!

Тем временем Ласточкин кое-как продирается сквозь перипетии школьного детства нашей подозреваемой. Оленька была такая блестящая, такая замечательная, что девочки ей завидовали... Ее легко было обидеть, она часто плакала... Мальчики, правду сказать, были куда добрее. Вова делал за нее математику, которая ей не давалась, Юрасик – ее обожатель – таскал портфель и даже однажды защитил Олечку от злой собаки. Тогда дети вообще были лучше и отзывчивее, чем теперь. Сейчас все курят, ругаются, старших не уважают, место в метро не уступают...

Бабушка переворачивает страницу альбома и вынимает половину разорванной фотографии.

– Боже мой... – Лоб ее морщится. – Здесь рядом с ней была Алиса. Они снялись вместе около каруселей...

– Какая Алиса? – спрашивает Ласточкин с самым невинным видом.

– Алиса Карпатова... Так ее звали. Правда, с тех пор она успела сменить фамилию, и не раз...

– А почему фотография разорвана?

– О, все из-за этой истории... Разве вы ничего не знаете? Я думала...

– Мы бы хотели услышать вашу версию, – не моргнув глазом, отзывается Ласточкин, и старушка тотчас же успокаивается.

– Мою версию... А что там рассказывать? Оля девушка красивая, молодая... Пела – сначала в «Шиповнике» этом, потом захотела сольную карьеру начать... Продюсеры обдирали всех как липку. Гастроли... по два концерта в день... душ принять и то некогда. А если кто из девочек отказывался, ее сразу же вышвыривали, расторгали контракт и заменяли другой... Но Оле встретился человек – хороший вроде, солидный... Сергей. Сергей Шестопалов его звали. Ну, богатый... Так ведь деньги не главное. Он к Оле так душой прикипел, я уж думала, будет у них свадьба... Украшения дарил, за границу возил... много чего. А потом Олька познакомилась с Алисой. Как же – лучшая подруга, никого ближе ее у Ольки не было... А Алиска-то, змея, у нее Сергея и увела. И окрутила его, так что он Ольку забыл, а Алиска ей смеялась в лицо, говорила, мол, дура ты, шанс свой упустила, ну и пой теперь в «Шиповнике», пока не выкинут. Такая обида Ольку взяла, что она все подарки вернула, все-все... Я ей говорила: зря, может... но она никого уже не слушала. Целыми часами звонила ему по телефону, только Сергей ее знать не желал больше... Тогда она принялась Алиске звонить, все пыталась с ней встретиться, говорила... слова всякие ужасные о ней... Только все напрасно. Скоро мы узнали, что Алиска выходит замуж за Сергея. А Олька, у нее сердце горячее... не выдержала она. – Старушка замолчала, на глазах ее выступили слезы.

– И что же она сделала? – тихо спросил Ласточкин. Его собеседница сделала знак рукой: мол, все хорошо, сейчас она все расскажет.

– Умереть она решила. С собой покончить... так ей все это больно было... Она выпила уксусную кислоту. Но не умерла... Девочки прибежали... на гастролях это было... видят, она лежит, хрипит... Отвезли в больницу. У нее все горло было обожжено... связки... все... И петь она больше не могла. Даже говорить и то с трудом... Вы напишите об этом, напишите обязательно... Чтобы молодые девчонки не доверяли кому ни попадя. Оля мне запретила, но я сама... позвонила Алиске, попросила денег на операцию... Что же – у нее муж богатый, она могла бы все сделать, если бы захотела... А она сказала, что ее это не касается. Что Олька сама виновата, потому что дура. И повесила трубку... Вот так.

Ласточкин сидел очень прямо, не упуская ни слова из того, что ему говорила старушка.

– А с Алисой что потом было? Насколько я знаю, она больше с Шестопаловым не живет...

– Да, – подтвердила старушка, – она любила его, пока он не разорился, а потом бросила без сожаления. Как ненужную вещь, как тряпку... Сейчас у нее какой-то Лазорев или Лазарев, точно не знаю. Я-то, грешным делом, надеялась, что, может, как Алиска Сергея бросила, он к Оле вернется... Но он даже не звонил ей ни разу, и никому до нее дела нет... А ведь в свое время сколько поклонников вокруг нее увивалось! Клялись, что на все готовы, и даже на балкон к ней лазили в гостиницу, а потом – как отрезало... Когда она уксусной кислотой отравилась, к нам тоже журналисты зачастили, а последние лет пять мы никого и не видали... Вот она-то обрадовалась, когда вы позвонили... да... Вы только того, пожалуйста, как она придет, вопросов ей очень неудобных не задавайте, а то иной ваш коллега брякнет такое, что и сказать стыдно...

Ласточкин кашлянул в кулак. Я видела, что он не на шутку смущен. В прихожей нетерпеливо зажужжал звонок.

– Она, она! Пришла! – обрадованно воскликнула старушка и засеменила к двери.

* * *

Говорят, есть люди, отмеченные несчастьем. Однако я была склонна не слишком верить в это, пока не увидела Олю Баринову. Ей было тридцать с небольшим, но выглядела она на добрых сорок лет, а в выражении губ что-то напоминало обиженного маленького ребенка. Одежда скверная, мешковатая, дешевая. Волосы блеклые, растрепанные. Красные руки. Слишком яркий макияж, который ей совершенно не шел. Вспомнив, кем она работала, я решила, что она наспех подкрашивалась в метро, чтобы не предстать перед журналистом и фотографом совсем уж в ужасном виде. Но в ее глазах застыла такая мольба, что мне стало стыдно и моего фотоаппарата, и моих мыслей.

– Я очень рада вас видеть, – с трудом проговорила она.

Услышав ее голос, я покрылась холодным потом. Нет, она не говорила, и даже не шептала, а сипела. Как-то надрывно, с присвистом, и чувствовалось, что каждое произносимое слово дается ей с трудом.

– Я уже немного рассказала им о тебе, Оленька, чтобы ты не надрывалась, – поспешно сказала бабушка.

Оля жалко, как-то криво улыбнулась.

– Я не хотела опаздывать, – просипела она, и пришлось как следует напрячься, чтобы понять произносимые ею слова, хотя Оля стояла всего в нескольких шагах от меня. – Но меня не пускали...

Тут Ласточкин в который раз показал, что он намного умнее меня. Пока я стояла столбом, пряча глаза, он решительно поднялся, сказал: «Ну что это такое? Нам нужны хорошие фотографии», – и велел тащить сюда все самые лучшие платья и косметику.

– Мы же не можем снимать вас такой... Срочно умойтесь! Потом мы с Лизой займемся вами как следует.

Боже, как просияли ее глаза, как преобразилось лицо! Бабушка засуетилась. После недолгих дебатов было решено снимать на фоне живописного стенного ковра. Ласточкин отобрал у меня фотоаппарат и понизил из фотографов в визажисты. Оля принесла целую сумку помад, румян, тональных кремов и прочих прелестей. Мы спорили, пробовали, подбирали аксессуары. Ласточкин ходил вокруг нас и давал ценные указания, которые прямо-таки выводили меня из себя.

– Волосы не закалывать! Не закалывать, я сказал! Помада бледная, давайте ярче!

Между делом он умело разговорил Олю. Жалеет ли она о своем поступке? Да, и даже очень, при этом на ее лицо набежало облачко. Но ведь вернуть назад уже ничего нельзя. Ласточкин велел ей встать на фоне ковра и стал щелкать вспышкой.

– До чего же мерзкая эта Алиса... Голову чуть левее! Улыбку! Очень хорошо... Нет, если бы она мне попала, я бы ее удавил, честное слово... Вот просто взял бы и убил!

– Да, я хотела ее убить когда-то... – прошелестела бедная молодая женщина. – Я мечтала... Это было ужасно... А теперь я больше ничего не хочу. И даже видеть ее не хочу.

– Я вас очень хорошо понимаю... А теперь повернитесь, пожалуйста!

Наконец фотосессия была закончена, и мы распрощались с Олей и ее бабушкой.

Что? Прислать им номер, когда статья выйдет? Ну конечно! Если, разумеется, главный редактор не завернет материал... Потому что, между нами, наш редактор – редкая сволочь. И вообще, наша работа чертовски тяжела!

Когда мы вышли из квартиры Бариновых, шел третий час дня.

Глава 8

3 апреля. Третий час пополудни

– Я свинья, – сказал Паша, когда мы вернулись в отделение.

– Почему?

– Как говорил один знакомый сутенер, по совокупности причин.

– Думаешь, это не она?

– Не думаю, а знаю.

– Откуда такая уверенность?

– От верблюда. Нет, ну сама посуди: что сделала Оля Баринава, когда лучшая подруга Алиса увела у нее мужика? Что, она набросилась на нее с кулаками или подсыпала ей в кофе что-нибудь, несовместимое с жизнью? Да ничего подобного. Вместо этого она попыталась наложить на себя руки. Поверь мне, это не тот человек, который способен на убийство. В крайнем случае она может убить себя, но не другого, как бы она ни страдала.

– Пожалуй, ты прав, – нехотя признала я. – Но ведь есть еще и факты, а они против нас. Алиса как-никак разрушила лучшей подруге жизнь, день рождения должен состояться в «Бегущей по волнам», а Оля работает там уборщицей, а значит, имеет право прохода в клуб. Но этот звонок? Вдруг Оля проболталась кому-то о своих планах и этот кто-то решил предупредить нас?

Однако Паша не успел мне ответить, потому что зазвонил телефон.

– Капитан Ласточкин у телефона... Да? Так? Ясно... Что ж, это очень разумное решение. Нет, я тоже думаю, что так будет лучше всего. Да, мы обязательно установим за ней слежку. Разумеется. Всего доброго.

Мой напарник повесил трубку и обернулся ко мне:

– Все в порядке. Лазаревы переносят празднование дня рождения Алисы в особняк на Долларово-Успенском шоссе. – Так непочтительно Павел называл знаменитую Рублевку. – Охрана там на каждом шагу, так что Оле Баринавой туда никогда не проникнуть.

– Так-то оно так, – сказала я нерешительно. – Ну а что, если убийца вовсе не Оля Баринава? Ее имя назвала Алиса, а позвонившая сказала, что речь идет о хорошо знакомом человеке, и только.

– Плевать мне на эту Алису, – отрезал Ласточкин. – Скажу тебе откровенно: теперь, когда я разобрался, что она за человек, мне все равно, убьют ее или нет.

– О, конечно, моральные качества жертвы всегда имеют для нас первостепенное значение, – не удержалась я от шпильки. – Между прочим, это дело поручено нам. И мы просто не имеем права его провалить!

– Вот и занимайся им, – отозвался бессердечный капитан, – а я пока займусь Парамоновым. – Он достал записную книжку и набрал номер телефона.

Оскорбленная до глубины души, я отправилась за водой для чайника. Вот вам! То все делали вместе, а то «мое-твое». Как будто я хоть раз подводила его или отказывалась ему помогать.

Когда я вернулась, Ласточкин все еще говорил по телефону. Насколько мне удалось услышать, разговаривал он с Ларисой Парамоновой. От нечего делать я включила компьютер и перекачала на него все снимки с фотоаппарата. В очередной раз мне пришлось убедиться, что фотограф из меня не ахти. Снимки, сделанные мной, получились нерезкими и какими-то перекошенными, зато фотографии, которые нащелкал Ласточкин, можно было хоть сейчас отдавать в печать. Я внимательно изучила крупные планы, словно по фотографии можно было определить будущего убийцу. Милое и, в общем-то, заурядное лицо, немного застенчивая улыбка, да глубоко в глазах притаилась грусть. Весь ее жизненный путь виднелся мне как на ладони.

Когда-то она была молода, мечтала вырваться из серой жизни: пьющая мать, добрая непрacticная бабушка, отсутствующий отец, рассчитывать девушке было не на кого, кроме самой себя. Блеск, шоу-бизнес, сцена, у нее же неплохой голос, продюсеры сулят ей, что она станет звездой. А почему бы и нет? Она ведь не хуже тех, кто уже пробился в звезды. Наверняка ее предостерегали, пытались открыть глаза, но она ничего не желала слушать: она лучше всех и непременно станет первой. Но для того, чтобы стать – даже не первой, а просто хоть кем-то, – у нее не хватило цепкости, жесткости, бульдожьей хватки, которая позволяет карабкаться по головам и чужим постелям вверх, все выше и выше, не щадя никого и ничего. Потому что этот бизнес, который снаружи мед и мишура, на самом деле мясорубка, которая перемалывает людей, не оставляя от них даже имени. Оля Баринаова оказалась для этой машины неподходящим сырьем: слишком слаба, слишком чувствительна, она не выдержала. Попытка самоубийства была признанием в собственном поражении, и мясорубка выплюнула ее, сломленную, потерявшую голос, обратно в жизнь, где нет ни звезд, ни мишуры, ни меда, а только тяжелая каждодневная работа для таких же неудачников, как она. Но, какую бы горечь Оля ни затаила, она не могла мстить. Павел прав: для мести нужен совершенно другой склад ума.

Мой напарник меж тем закончил беседовать по телефону, но стоило ему положить трубку, как аппарат вновь разразился нетерпеливым трезвоном. Чертыхнувшись, Павел снял трубку:

– Капитан Ласточкин... Здорово, Стас, как дела?

В дверь коротко постучали.

– Войдите! – крикнула я.

Дверь приотворилась, в образовавшуюся щель протиснулась голова нашего коллеги Толи Горохова.

– Привет всем! – радостно провозгласил он. – А где арестованная?

– Какая еще арестованная? – насупилась я.

– Ну, задержанная. Та сумасшедшая, которая грозила Лазареву убить.

– Так бы сразу и сказал, – фыркнула я. – Мы ее уже расстреляли, только закопать не успели. Тебя дожидались.

– Некоторые люди, – сказал Горохов в пространство, – думают, что они умнее всех только оттого, что романы пишут.

Ласточкин оторвался от трубки.

– А некоторые люди думают, что они умнее всех, потому что не пишут романов, – парировал он. – Только это тоже заблуждение.

Как вы уже догадались, мне недолго удавалось хранить в секрете причину моего прихода в полицию, и она, разумеется, стала поводом для всевозможных подковырок со стороны моих коллег.

– Остри, остри, – фыркнул Горохов. – Между прочим, я своими ушами слышал, как Петрович говорил, что, если с Лазаревой что-нибудь случится, вы оба можете писать заявления на увольнение.

– Ну и слава богу, – отозвался бессердечный Паша. – Меня как раз только что приглашали в топ-менеджеры «Газпрома». Заодно куплю телеканал и Лизу туда посажу, чтобы сериалы про ментов курировала. А то такую чушь обычно снимают, что со смеха умереть можно.

Толя расхохотался и ушел пересказывать коллегам, какие планы у капитана на будущее, а мой напарник вернулся к прерванному разговору:

– Алло! Да, Стас, я тебя слушаю... Только поскорее, пока нас на какой-нибудь вызов не дернули. Пока нас Петрович вроде освободил от текучки, но мало ли что... Бывай!

Он повесил трубку, и последующие несколько минут мы мирно пили кофе, закусывая его чем бог послал.

– Чего от нас хочет следователь? – спросила я, когда с импровизированным обедом было покончено.

– Стас обещал заехать. Говорит, хочет уточнить кое-какие детали по летающей тете.

– Какие еще детали? Она чуть не свалилась нам на голову, вот и все.

Ласточкин покосился на меня:

– Стас уверяет, есть разговор. Но он не хочет по телефону.

– Понятно... – уныло протянула я.

– Теперь насчет Парамоновой. – Паша вздохнул: – Ей пришло новое письмо.

– Она привезет его нам?

– Нет. Мы поедem к ней сами и побеседуем в домашней обстановке. – Ласточкин нахмурился: – Пока я разведал только некоторые детали. Владислав Парамонов был женат два раза. Вторая жена – уже знакомая нам Лариса, первая, Зина, его бросила. После Парамонова Зина еще один раз выходила замуж, снова развелась. Живет на Долларово-Успенском шоссе, как и полагается. – Он хмыкнул: – Кроме двух жен, у Парамонова имелись в наличии мать и младшая сестра. Мать, Наталья Петровна, похоже, была не в самых лучших отношениях с его второй женой, потому что Лариса не пожелала о ней даже разговаривать. Сестру Парамонова зовут Лада, она была замужем, сейчас разводится, ей сейчас двадцать девять лет. Брата вроде бы не особо жаловала, но с его женами общалась охотно. Да, еще одна деталь: муж Лады владеет сетью клиник пластической хирургии. Для нашего дела это может иметь некоторое значение.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Мне всегда было так легче сосредоточиться.

– Ну, допустим, – буркнула я. – Допустим, Парамонов почуял, что пахнет жареным, и решил сделать ноги, разыграв свою смерть. Предположим, в то утро в машину посадили человека в костюме Парамонова, который внешне походил на него. Охранникам сказали, чтобы они где-нибудь его убили, изувечили труп и бросили, а на самом деле Парамонов ехал за машиной и в нужный момент привел в действие бомбу. Так?

– Пока все выходит очень даже правдоподобно, – заметил Павел, который очень внимательно слушал меня.

– Дело не в правдоподобии, – возразила я. – Просто мне трудно себе представить, чтобы трое мужчин, шофер и два охранника, за здорово живешь согласились на то, чтобы их взорвали. Поэтому я и решила, что их обвели вокруг пальца. Кроме того, одним ударом Парамонов избавился и от себя самого, так сказать, и от чрезвычайно нежелательных свидетелей.

– Браво, – кивнул Ласточкин. – Все прошло гладко. Для всех он мертв и спокойно может начать новую жизнь, как говорится в детективных романах. Хорошие деньги, безнаказанность и безоблачное будущее – что еще надо человеку для счастья? Он изменил внешность. С помощью сестрино мужа или нет, это мы еще выясним. Разумеется, он покинул страну, потому что у Юры Арбатова длинные руки и обманывать его чрезвычайно опасно. И что же? Года не прошло, как Парамонов совершенно дурацким образом открывает свои карты. Он ревнует жену и присылает письма, которые грозят ей возмездием за супружескую неверность, да еще не ленится устрашать их разными подробностями, чтобы Лариса поверила, что послания исходят именно от него. – Ласточкин покачал головой с недовольным видом: – Нет, Лиза, это какая-то чепуха! Если допустить на минуту, что мы правы и Парамонов жив, что же это получается? Он спланировал всю эту операцию, провернул ее, благополучно скрылся и теперь сам, как последний идиот, подставляет себя под удар! Но ведь это совершенно никуда не годится!

Он был прав. Что-то в этой истории явно не клеилось.

– Паша, у нас пока слишком много предположений. Если Парамонов жив, если он спланировал свое якобы убийство, если он писал эти письма... А вот если мы будем опираться на факты, все может оказаться совсем не так, как нам кажется. Ну и какие факты имеются в нашем распоряжении? Владислав Парамонов писал эти письма? Неизвестно. Отправлял ли их

он? Тоже неизвестно. Правда, мы знаем, что его жена их получала, и это уже факт. Кстати, откуда их посылали?

– Ну, обратного адреса на них, разумеется, нет, – усмехнулся Ласточкин, – но штемпель московский. Почтовое отделение на Новом Арбате.

– А отпечатки пальцев на листках и конверте?

– Наш эксперт говорит, отпечатков полно, но почти все одинаковые. Неудивительно – Лариса сказала, что она только и делала, что перечитывала эти письма. Еще она утверждает, что показывала их Рыбникову, своему другу, значит, там должны быть и его отпечатки. Ну и на конверте – следы пальцев почтальона, как водится.

– Когда эксперт подготовит отчет?

– Завтра обещал. У него работы выше крыши.

– А что графологи? Они что-нибудь говорят?

– Лиза, ты что думаешь, установить принадлежность почерка – это работа на пять минут, что ли? Да и у них ведь тоже дел невпроворот. Анализ обещали на этой неделе, максимум на следующей, и на том спасибо. Да и то, чтобы этого добиться, мне пришлось чуть ли не час их уламывать.

Но мне все не давал покоя человек, который приложил столько труда для того, чтобы исчезнуть, а теперь сам пускал свою работу насмарку.

– Слушай, а может, она хочет избавиться от него? – выпалила я.

Ласточкин поднял брови и озадаченно уставился на меня:

– В каком смысле?

– Помнишь, Арбатов утверждал, что если Парамонов исчез, то жена, скорее всего, была в курсе? А что, если ей просто надоело играть роль безутешной вдовы, да еще вдобавок отвечать за долги мужа, и она решила просто выдать его? Не зря же возле нее крутится этот Рыбников, и по всему следует, что она к нему равнодушна.

– Так-так-так, – насторожился Ласточкин. – Ну и что же?

– А то самое. Она присылает сама себе письма от имени мужа, а потом приходит к нам и разыгрывает этот спектакль, цель которого – не добиться нашей помощи, а привлечь внимание врагов мужа и раздражить их. Думаешь, ей неизвестно, что Арбатов не выпускает ее из виду? Так я и поверила! Фактически, предъявив нам эти письма, она открытым текстом заявила нам, что ее муж жив, – ищите и обрящете! Естественно, Парамонова найдут и убьют, а дважды безутешная вдова останется со своим Рыбниковым, да еще, может быть, отберет в свою пользу состояние неосторожного покойника, который якобы писал ей письма. Ведь если Парамонов скрылся, он явно сделал это не с пустыми руками!

В комнате повисла томительная пауза. Телефон затрещал, захлебнулся и умолк.

– Да, это возможно, – наконец промолвил Павел, глядя куда-то в сторону. – И даже очень вероятно. По крайней мере, это объясняет, с чего бы вдруг Парамонов стал так глупо себя вести. Но если он этого не делал, а постаралась его жена, тогда... тогда все становится на свои места. – Он встряхнулся. – Ладно, пока это всего лишь наши догадки. Но в одном ты безусловно права, Лиза: Ларисе Парамоновой особо верить не стоит. Так же, кстати, как и Юрию Даниловичу Арбатову.

На этом нам пришлось прерваться, потому что дверь распахнулась, свет померк, и на пороге выросла громадная фигура Стаса Зарубина. Где-то за его левым плечом маячил лейтенант Колесников. Последний, кстати, был вовсе не мелкого роста, но рядом с высоченным следователем казался низеньким и шуплым.

– Здравствуйте, товарищи! – весело сказал Зарубин, плюхаясь на уже знакомый читателю шаткий стул, который издал сдавленный треск и едва не протянул ножки. – Прошу вас, надевайте наручники и пройдемте с нами.

– Ишь, чего выдумал, – проворчал Паша. – А без наручников у тебя ничего не получится?

Стас вытаращил глаза и разразился хохотом. Колесников фыркнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.